Автономная некоммерческая организация высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СВЯТОГО ИОАННА БОГОСЛОВА»

ФИЛОСОВСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра теологии и религиоведения

«Допустить к защите»
Заведующий кафедрой
доктор. фил. наук, доцент
_____ О.Т. Ермишин
«_____» _____ 2023 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

ПОНЯТИЕ «БЕЗРЕЛИГИОЗНОГО ХРИСТИАНСТВА» В ТРУДАХ ДИТРИХА БОНХЁФФЕРА

Направление подготовки 48.03.01 Теология
Профиль «Христианская теология: история и современность»

Выполнил:
Обучающийся 5 курса
заочная форма обучения
группа: тео5бкз
Беликов Максим Александрович _____
(подпись)

Научный руководитель:
старший преподаватель
кафедры теологии и религиоведения
Салов Петр Юрьевич _____
(подпись)

Москва - 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение…… 3

ГЛАВА 1 ЖИЗНЕННЫЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ДИТРИХА БОНХЁФФЕРА ……. 6

1.1 Жизненный путь Дитриха Бонхёффера……..... 6

1.2 Наставники и учителя в богословии……..... 10

ГЛАВА 2 «БЕЗРЕЛИГИОЗНОЕ ХРИСТИАНСТВО»……..……... 18

2.1 Концепция совершеннолетнего мира……..... 18

2.2 Безрелигиозная интерпретация……..… 24

2.3 Новый герменевтический ключ …… 38

ГЛАВА 3 КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНОСТИ…...…… 43

3.1 Проблема секуляризации……... 43

3.2 Ответ на секуляризацию ……... 48

3.3 Значение богословия Дитриха Бонхёффера для христианской мысли... 53

Заключение……. 56

Библиография……..……... 59

Приложения…… 64

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В современном церковном сознании у российских христиан можно видеть предвзятое отношение к богословию Дитриха Бонхёффера, его кто-то считает искреннем христианином, кто-то атеистом, приверженцем идей социализма, сектантом. Все это происходит чаще всего от не правильной трактовки его мыслей и поверхностного восприятия его богословия. Автор данной работы хочет рассмотреть богословскую мысль лютеранского пастора, увидеть предпосылки в богословии и в современном ему обществе к созданию им понятия совершеннолетнего мира и безрелигиозного христианства, осознать проблемы и где-то увидеть практическое применение идей теолога. На сегодняшний день различные многие исследования говорят о всплеске религиозности в нашей стране в девяностых годах двадцатого столетия. Но хотя религиозность может и вновь наращивает обороты, однако её качество неизменно снижается.

Посмотреть только на невероятное распространение деструктивных сект и различных религиозных движений, искажающих само понимание и отношение к человеку и миру. Поэтому противопоставление чистого христианства закостенелой религиозности и вопрос, поставленный Бонхёффером о том, что есть чистое христианство, и как уметь брать ответственность на себя за мир остается за актуальным по сей день. Так же следует отметить, что Бонхёффер был активным противником, а потом узником нацистского режима в Германии и соответственно его мысли о Церкви и обществе особенно могут быть интересны в нынешнее непростое время.

Объектом исследования является Дитрих Бонхеффер – немецкий лютеранский теолог, пастор.

Предметом исследования – жизненный путь и развитие богословской мысли о «безрелигиозном христианстве» в трудах Дитриха Бонхеффера.

Степень научной разработанности темы. Анализу и проработке данной концепции посвящено множество научных трудов. Прежде всего она раскрывается его другом Бетге в «Биографии»[1]. Еще исследованием богословских воззрений Бонхёффера занимался Эрнст Файль в своей монографии «Богословие Дитриха Бонхёффера: герменевтика, христология. Мировоззрение»[2]. Издано множество статей по изучаемой теме, которые пытаются осознать и раскрыть богословские взгляды и мысли Дитриха Бонхёффера[3]. Трудами Бонхёффера интересовались ученые в контексте политической и церковной ситуации в мире, размышляли о предложенном им пути как важной альтернативе тоталитаризму и секуляризму[4], писались богословские трактаты Америке[5]. Во всех этих трудах теологические письма из тюрьмы и развивающаяся в них концепция «безрелигиозного христианства» стоят на первом плане.

В СССР трудами Бонхёффера мало интересовались по понятным причинам, была издана только одна научная статья на эту тему в 1968 г.[6]. Российский читатель открывает для себя Бонхёффера в годы перестройки, когда на русском языке впервые публикуются его письма из заключения. В России

---

[1] Bethge E. Dietrich Bonhoeffer. Eine Biographie. Munchen: Chr. Kaiser Verlag, 1970. 1099 S.

[2] Feil E. Die Theologie Dietrich Bonhoeffers. Hermeneutik – Christologie – Weltverstandnis. Berlin: Evangelische Verlagsanstalt, 1977. 430 S.

[3] Moltmann J. Theologie mit Dietrich Bonhoeffer. Die Gefangnisbriefe // John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Dietrich Bonhoeffers Theologie heute. Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? Munchen: Guterloher Verlagshaus, 2009. S. 17–31.; Bosse-Huber P. Die Gestalt der Kirche. Gedanken zu Dietrich Bonhoeffers Theologie und Leben als Herausforderung fur die Kirche im 21. Jahrhundert // Volker A. Lehnert (Hrsg.). Inspiriert vom Gemeinsamen Leben, Wuppertal: Foedus, 2009. S. 35–45.; Lange F. Dieselben Dinge, ganz anders gesehen. Die Erfahrung der Gefangenschaft in Dietrich Bonhoeffers Briefen und Fragmenten aus Tegel // Dietrich Bonhoeffer Jahrbuch 5, 2011/2012. Munchen: Gutersloher Verlagshaus, 2012. S. 57-76.

[4] Caldas C. Bonhoeffer in Brazil : An Analysis of Brazilian Neopentecostalism from a Bonhoefferian Perspective // John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Dietrich Bonhoeffers Theologie heute: Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? Munchen: Guterloher Verlagshaus, S. 188-200.

[5] Haynes S.R. Between Fundamentalism and Secularism: The American Evangelical Love Affair with Dietrich Bonhoeffer // John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Dietrich Bonhoeffers Theologie heute: Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? Munchen: Guterloher Verlagshaus, 2009. S. 201-226.

[6] Угринович Д.М. Безрелигиозное христианство Д. Бонхёф-фера и его продолжателей // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 94-102.

труды Бонхёффера рассматривали в ряд современных исследователей[7] в частности А.И. Шмаина-Великанова[8].

Основная цель данного исследования – рассмотреть богословское воззрение о совершеннолетии мира и безрелигиозном христианстве в трудах Дитриха Бонхёффера.

Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие задачи исследования:

- исследовать жизненный путь Дитриха Бонхёффера;

- указать на наставников и учителей, повлиявших на богословские рассуждения Дитриха Бонхёффера;

- рассмотреть концепцию совершеннолетнего мира и понятие безрелигиозного христианства в трудах Дитриха Бонхёффера;

При написании данной работы были использованы общенаучные методы исследования**:** анализ, синтез, сравнения и обобщения, систематизации.

В процессе работы были используемы следующие источники: учебные пособия, периодические издания, материалы из сети интернет по данной исследуемой теме.

[7] Антропов В.В. Этика и религия в ≪безрелигиозном христианстве≫ Дитриха Бонхёффера // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 6. С. 58-72; Ныркoв Андрей, свящ. Религия и человек в безрелигиозном христианстве Дитриха Бонхёффера // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5. С 11-48.; Тихомиров А.В. Догматика без догматизма. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2013. 170 с.; Коначева С.А. Христианство в совершеннолетнем мире // Бонхёффер Д. Проповеди, толкования, размышления / Пер. с нем. М.: Изд-во ББИ, 2014. В 2 т. Т. 1. 1925-1935. С. VII-XVI. (Современное богословие).

[8] Седакова О.А. Дитрих Бонхёффер для нас // Она же. Moralia : Эссе, лекции, заметки, интервью. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. С. 493-518.; Шмаина-Великанова А.И. Мать Мария (Скобцова), Дитрих Бонхёффер и Симона Вейль: апостольство в безрелигиозном мире // Христианос. 2000. № 9. С. 108-120.

ГЛАВА 1 ЖИЗНЕННЫЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ДИТРИХА БОНХЁФФЕРА

1.1 Жизненный путь Дитриха Бонхёффера

Дитрих родился 4 февраля 1906 года в очень состоятельной и интеллигентной семье (Приложение 1). Его отцом был Карл Бонхёффер, выдающийся университетский преподаватель психиатрии и нервных расстройств в Берлине, матерью – Паула фон Хассе, внучка Карла Альфреда фон Хассе, который преподавал практическую теологию в Бреслау и выступал судебным проповедником при дворе императора Вильгельма II[9].

Жизнь, развитие в интеллектуальной, утонченной среде определенно оказало значительное влияние на Дитриха, который выбрал направление своей жизни, ступая по стопам своих предков-интеллигентов. На юного Дитриха повлияли многие жизненные ситуации, такие, как перемена окружения, созревание в столице, Берлине, и момент, который стал потрясением для всей семьи, а в особенности для него – потеря брата в Первой мировой войне.

Изучая философию и Библию, он еще молодым человеком загорелся желанием пойти по определенному пути – пути богословия. Хотя он и выбрал этот путь скорее по культурным, нежели по религиозным причинам, такое решение разочаровало его отца и братьев. Это разочарование вылилось в попытку отговорить его, убедить, что этот путь не стоит его усилий. Это четко видно из слов его отца о том, что Церковь – «бедная, слабая, скучная, мелкая буржуазная организация», но Дитрих – совершенно неожиданно – ответил: «В таком случае я ее реформирую!».

В отличие от своих братьев, которые были ориентированы на науки, Дитрих провел свою юность, изучая философию и религию: Еврипида, Шлейермахера, Гете и многих других. Его личность также отличал музыкальный талант, который он унаследовал от матери и который развивал вместе с ней субботними вечерами.

---

[9] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа ≪Прогресс≫, 1994.

Важнейшие дни своего студенчества он провел в университете Тюбингена, где начал учебу, как и отец, и братья, и в Берлинском университете, где получил докторскую степень. Дитрих был очарован теологическим Берлином, ведь здесь его окружал широкий спектр либеральной и позитивистской теологии, воплощенной в его учителях, самым видным из которых был Адольф фон Гарнак. Дитрих Бонхёффер был самым выдающимся учеником Гарнака, что было ожидаемо, учитывая усердие и ум Бонхёффера и их знакомство еще до учебы. Это произошло так: через четыре года после переезда в Берлин семья Бонхёффер поселилась в той части Берлина, которая была средоточием интеллигенции и академических семей, в число которых входила семья известного преподавателя истории Адольфа фон Гарнака. Это дало Дитриху возможность еще в юном возрасте контактировать с Гарнаком. Когда Дитрих Бонхёффер получал докторскую степень, они часто разговаривали по пути из дома в университет и обратно, важным моментом в их отношениях стало и данное Дитриху Гарнаком разрешение участвовать в семинарах по церковной истории после того, как он сам уйдет на пенсию.

Еще до прихода Гитлера к власти молодой Дитрих был вовлечен в ранние этапы борьбы с нацизмом. Несколько месяцев спустя он отправился в Лондон, где жил в качестве пастора двух небольших общин (Приложение 2). Узнав о политических изменениях в своей стране, Дитрих опасался, что его призовут в армию, и это станет одной из главных причин его отъезда в Америку.

С приходом Гитлера к власти многие вещи изменились, в особенности для евреев. Дитрих, находясь географически очень далеко от своей страны, не смирился с развитием ситуации в Германии и всячески помогал попавшим в беду евреям. Высшей точкой его скорби стала «хрустальная ночь» 9 ноября 1938 года и следующий год, когда большинство пасторов высказали лояльность Гитлеру. В этом он увидел отступление Церкви от своего идеала. И еще более его разочаровало, что христиане Европы практически нигде ни оказывали нацизму никакого деятельного сопротивления. Мало того стал искажаться Сам Образ Христа, которого теперь считали арийцем, а не евреем. Наконец, и все

священники Лютеранской Церкви должны были присягнуть на верность Гитлеру и на престоле в храмах наряду с Библией должны были положить книгу «Mein Kampf». Сознавая, что подразумевал нацизм, Бонхёффер, которого отделял от сограждан океан, не находил себе места: «…Я должен прожить этот тяжелый период нашей национальной истории с христианским народом Германии. У меня не будет права участвовать в реконструкции христианской жизни в Германии после войны, если я не разделю испытания этого времени с моим народом… Христианам в Германии предстоит страшный выбор: или желать поражения своей нации, чтобы могла выжить христианская цивилизация, или желать победы своей нации, таким образом обрекая нашу цивилизацию. Я знаю, какой выбор должен сделать, но не могу сделать этот выбор в безопасности»[10].

Вернувшись в Германию, Бонхёффер вступил в Абвер[11] благодаря мужу своей сестры, Гансу фон Донаньи, что дало ему возможность участвовать в движении сопротивления нацизму. Благодаря пасторской службе Гансу удалось добиться того, что Дитрих не был призван в армию – он аргументировал это тем, что служба его шурина в экуменическом движении идеальна для сбора информации для разведки, а также прощупывания политической обстановки в союзных и нейтральных государствах. Ганс был недалек от истины, ведь задачей Дитриха в Абвере действительно была реализация безопасной корреспонденции – но только движения сопротивления со странами Альянса. И все-таки через несколько месяцев Дитрих был арестован и ему предстояло окончить свои дни в заточении.

Дитрих стал узником Третьего рейха, и в следующие восемнадцать месяцев тюрьма Тегель в Берлине будет ему «домом» (Приложение 3). Первые

---

[10] Bethge, E. Dietrich Bonhoeffer: Theologian, Christian, Contemporary, 599, цит. по: Nelson, The Life of Dietrich Bonhoeffer, 38-39: “I must live through this difficult period of our national history with the Christian people of Germany. I will have no right to participate in the reconstruction of Christian life in Germany after the war if I do not share the trials of this time with my people… Christians in Germany will face the terrible alternative of either willing the defeat of their nation in order that Christian civilisation may survive, or willing the victory of their nation and thereby destroying our civilisation. I know which one of these alternatives I must choose; but I cannot make that choice in security.”

[11] Абвер (ориг. Abwehr) – название отдела контрразведки Верховного командования вооруженных сил нацистской Германии во время Второй мировой войны, который в конце войны под командованием адмирала Вильгельма Канариса стал центром сопротивления нацистскому режиму. Это то самое время, когда Дитрих Бонхёффер вступил в его ряды, в которых останется вплоть до своего ареста 9 апреля 1943 года.

несколько дней Дитрих был в изоляции, к нему относились как к опасному заключенному. Лишь через двенадцать дней он получил свою камеру, маленькую, с самыми необходимыми вещами, неудобной узкой кроватью, стулом и полкой. Жизнь в тюрьме его тяготила, пробуждая в нем отчаяние и меланхолию. В своих внутренних чувствах Дитрих признался лишь другу Бетге, тогда как родителям писал о том, что условия и атмосфера достойные.

Несмотря на духовную и психическую слабость, Дитрих справился с мыслями о суициде, поскольку по-настоящему любил жизнь, радовался жизни и верил, что в один прекрасный день снова окажется на свободе со своими родителями, друзьями и невестой. Пусть он и считал, что «смерть – верховный праздник на пути к вечной свободе», он не хотел смерти, потому что в поэме «Кто я?» определенно подчеркивает, как тоскует «по краскам, цветам, свисту птиц»[12]. Его подлинным желанием было жить, хотя он и знал, что смерть для него практически неизбежна, он не боялся ее, зная, что она ведет к абсолютной свободе, к единству с Богом.

Через восемнадцать месяцев, в октябре 1944 года, Дитриха перевели в тюрьму гестапо Принц-Альберт-штрассе, где он останется до своего окончательного «пути в смерть». Путь в смерть, точнее путь в концентрационный лагерь Флоссенберг даст Дитриху возможность в последний раз провести молитвенную службу в субботу Светлой недели. Через два дня после этого, 9 апреля 1945 года, на рассвете Дитрих Бонхёффер был убит через повешение на тридцать девятом году жизни в концлагере Флоссенбюрг (Приложение 4).

Почти за тринадцать лет до своей смерти, 19 июня 1932 года Дитрих произнес несколько пророческих слов в беседе, прочитанной им в Мемориальной церкви Вильгельма в Берлине: «Нас не должно удивить, если для нашей Церкви вновь вернутся времена, когда потребуется кровь мучеников. Но даже если нам хватает мужества и веры, чтобы ее пролить, эта кровь не будет

[12] Дитрих Бонхёффер. Кто я? [Электронный ресурс]. – URL: https://poezia.ru/works/67330 (Дата обращения: 28.02.2023).

такой же невинной или чистой, как кровь первомучеников. В нашей крови будет немало нашей собственной вины. Вины бесполезного слуги, брошенного во мрак» [13].

Память Бонхёффера упоминается в литургических календарях нескольких христианских конфессий в годовщину его смерти, 9 апреля[14] (Приложение 5).

1.2 Наставники и учителя в богословии

Период, в который жил и занимался теологией Бонхёффер, был периодом, когда произошло изменение модели теологического мышления, точнее, когда диалектическая теология заняла место либеральной теологии. Говоря о теологическом контексте работы Дитриха Бонхёффера, нельзя обойти вниманием ни одну из этих двух моделей мышления, ведь к первой модели относятся Карл Барт и Рудольф Бультман, теологи, чьими стопами шел Бонхёффер, пытаясь скорректировать их теологию, а с другой стороны, главным представителем либеральной теологии был Адольф фон Гарнак, друг семьи и любимый преподаватель Дитриха Бонхёффера.

Представители либеральной теологии, к которым относился и Адольф фон Гарнак, преподаватель церковной истории в Берлинском университете, считали, что к сути христианства можно прийти только посредством истории. Важнейший метод исследования историко-критический, открывающий путь к достижению истины, или, как он говорит Гарнак, «простое Евангелие»[15]. Помимо строгого применения этого метода и его результатов, у либеральной теологии есть еще две особенности: релятивизация церковной догматической традиции и особенно – христологии, а также интерпретация христианства в контексте этики.

Релятивизация церковной догматической традиции – характеристика, проистекающая из рассуждений самого Гарнака. Гарнак был убежден, что догмат – продукт переноса Евангелия из его изначального палестинского

---

[13] Gesammelte Schriften, vol. IV, 71, цит. по: Bethge, E. Bonhoeffer: Exile and Martyr, New York 1975, с. 155: “We must not be surprised if once again time return for our Church when the blood of martyrs will be required. But even if we have the courage and faith to spill it, this blood will not be as innocent or as clear as that of the martyrs. Much of our own guilt will lie in our blood. The guilt of the useless servant who is thrown into darkness.”

[14] В некоторых общинах Англиканской Церкви его считают мучеником. Его имя есть в литургическом календаре Евангелической Лютеранской Церкви в Америке.

[15] Гарнак Адольф фон. Сущность христианства – СПб, 1907.

контекста, где преобладало еврейское мышление и рационализм, в эллинистический контекст, где преобладало иное мышление, точнее эллинистические формы мышления. Множество теологических учений обязаны своим развитием влиянию эллинистических идей в период патристики, поэтому для него догмат представляет нечто неведомое первому христианству. Для подкрепления своего тезиса Гарнак привел пример с догматической областью: христологией, (наукой о Христе), согласно Гарнаку, Христос говорит более об Отце, чем Себе, «Евангелие, как проповедует его Иисус, не провозглашает Сына, а лишь Отца».

Впрочем, Адольф фон Гарнак остается верен либеральной теологии, это видно из его короткого текста, в котором он задает «Пятнадцать вопросов теологам, презирающим научную теологию», где защищает натуртеологию и считает крайне важным культивирование исторического исследования и критическое мышление.

Несмотря на то, что для последующих теологов Карла Барта, Рудольфа Бультмана и Бонхёффера Гарнак был учителем, его рассуждениям не удалось избежать критики с их стороны. Один из критиков, Карл Барт, который подверг суровой критике либеральную теологию Гарнака, ответил на «Пятнадцать вопросов» тем фактом, что протестантская натуртеология еще несколько десятилетий назад отошла от своей темы, а темой этой является «слово Божьего откровения», которому Барт отводит центральную позицию[16].

Основу теологии Барта можно найти в его труде «Послание к римлянам», где в предисловии он подчеркивает важность историко-критической модели, но лишь в той мере, в которой она служит нам для понимания слова Писания. По сути это понимание позволяет нам придать словам Писания современность, адаптировать их для нашего времени. Ведь для Барта теология – это процесс последующего осмысления того, что содержится в Божьем откровении. Мы

[16] Спасский А.А. Новый труд проф. А. Гарнака по истории распространения христианства. Журнал «Вера и Разум». Отдел церковный. 1905. Т. 1.4.1. № 11. С. 639-662. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ (Дата обращения:21.03.2023).

должны внимательно изучать отношения между нашим познанием Бога и самого Бога в его существе и характере.

«Послание к римлянам» написанная Бартом в 1922 году, станет важнейшим текстом диалектической теологии, а также источником, из которого произошла его «Церковная догматика». По сути диалектическая теология действительно находится в противоречии с либеральной теологией, что лучше всего видно из ее характеристик, которые проявляются в подчеркивании Божьей трансцендентности относительно этого мира, а также в решающей роли самого слова Божьего. В отличие от либеральной теологии, которая попыталась найти гармонию между Богом и человеком, диалектическая теология действует по принципу диалектических противоположностей: Бог и человек, вечность и время, откровение и история, что можно заметить в трудах Барта.

То, насколько центральным являются слова Божьего откровения для теологии Карла Барта, можно заметить в рассмотрении им Слова Божьего как источника и отправного пункта христианской веры и теологии. Он говорит о трех неразделимых видах Слова Божьего: 1) слово, проповедуемое Церковью; 2) слово, отсылающее к письменному слову Священного писания; 3) слово, основанное на словах Божьего откровения, осуществившегося с вочеловечиванием Господа Иисуса Христа. Для него слова Божьего откровения, воплощенные в Христе, представляют существо веры по той причине, что таким образом Бог сделал шаг к нам и дал нам возможность шагнуть к Нему, ибо грешное человечество не способно прийти к этому осознанию без внешней помощи. На основании сказанного, согласно Барту, христология представляет основу церковной догматики.

Помимо теологии, которую мы обсудили, и которая определенно повлияла на рассуждения Дитриха Бонхёффера, Карл Барт в большей степени повлиял на Бонхёффера своим пониманием религии как человеческого домысла. А именно, Барт считал религию человеческим конструктом, поисками Бога вне этого мира, что противопоставлено идее Божественного самовозвещения, так как присутствует радикальный разрыв между Божьим самовозвещением человеку,

которое ведет к вере, и человеческим богоискательством, которое ведет к религии. На основании этого религия – препятствие на пути к открытию Бога в Христе, а также почитание того, что является человеческим домыслом, и поэтому ее следует устранить. Приняв это учение, Бонхёффер также займет отрицательную позицию по отношению к религии, точнее к тому факту, что человеческие существа по природе религиозны, поскольку он жил в обществе, которое было обществом безбожников. Такой теологический и жизненный контекст даст Бонхёфферу возможность изобрести термин «безрелигиозное христианство», который основывается не на естественной человеческой религиозности, а на Божьем самовозвещении во Христе. Бонхёффер ставит Христа в центр своей теологии. Но Он находится не по ту сторону этого мира, а здесь, в каждом человеке.

«Иисус Христос живет в наших сердцах. Жизнь Иисуса Христа на этой земле еще не завершена… Сама Святая Троица, жительствуя в христианине, исполняет его и претворяет в свой образ. Воплотившийся, распятый, воскресший и преображенный Христос творит свой образ в каждом человеке, поскольку он является частью Его Тела – Церкви», – пишет Бонхёффер в своем труде «Хождение вслед»[17].

Еще кто повлиял на богословие Бонхёффера был Р. Бультман. В отличие от критики Карла Барта, о которой мы говорили выше, суть критики Бультмана проявляется в обвинении в том, что теология его учителей говорила в действительности о человеке, а не о Боге.

Бультман считается одним из величайших исследователей Нового Завета, направившим свою жизнь на процесс оформления новозаветных текстов, а также их толкование. Его вклад можно увидеть в его труде «Объявление демифологизации», где различим вопрос: «Что имеет сказать Новый Завет современному человеку?».

Предшествующий вопрос не остается риторическим – Бультман решительно хочет обнаружить роль Нового Завета для современного человека.

[17] https://religion.wikireading.ru/175386 (дата обращения: 14.06.2023).

По Бультману, новозаветный язык является мифологическим и в качестве такового не подходит современному человеку, потому что «невозможно пользоваться электричеством, слушать радио или – в случае болезни – прибегать к помощи современных медицинских и клинических открытий и одновременно верить в мир духов и чудес, который показывает нам Новый Завет»[18]. Мифическая картина мира, содержащаяся в Новом Завете, противоречит картине мира, которую дают нам современные открытия, потому что человеческое понимание мира, человека и его существования радикально изменилось за две тысячи лет, и современному человеку такое изображение мира непонятно.

Новый Завет был создан, когда преобладала античная мифологическая картина мира, мифологические способы выражения, и Новый Завет был создан именно в соответствии с этими способами выражения, чтобы передать человеку того времени послание в доступной ему форме (искупительная смерть, воскресение, нисхождение в ад и т.п.) Бультман придерживается мнения, что Новый Завет, если он стремится сохранить послание, которое хотел передать человеку того времени, должен быть демифологизирован, поскольку это единственный способ сохранить послание. По этой причине он рассматривает воскресение Христа как понятное мифическое событие, не являющееся историческим событием – это нечто, что произошло в субъективном опыте учеников. По Бультману, Христос действительно воскрес в керигме – провозвестии, которое ежедневно провозглашает Церковь: «Подлинная вера в воскресение есть вера в просветляющее слово проповеди. Если событие воскресения является в каком бы, то ни было смысле историческим событием, дополняющим событие креста, то он есть не что иное, как возникновение веры в воскресшего Господа, ибо именно эта вера привела к сделанному апостолами провозглашению. Само воскресение не есть событие из прошлого. Все, что может установить историческая критика – что первые ученики поверили в воскресение»[19].

---

[18] Бонхёффер Дитрих. Хождение вслед. – М.: РГГУ, 2002.

[19] Бультман Р. Иисус Христос и мифология. // Бультман Р. Избранное: вера и понимание. М.: РОСПЭН, 2004.

То, что Бонхёффер отлично знал теологию Барта и Бультмана, заметно в его труде «Сопротивление и покорность», где он четко говорит об их заслугах в развитии теологии, но, кроме того, он и критикует их. Это лучше всего видно в письме, которое он отправил своему другу Бетге.

В письме, Бонхёффер признает за Бартом заслуги в критике религии, но упрекает его в том, что он пришел к позитивистскому пониманию откровения, причем это понимание в основном не вышло за пределы реставрации прежнего подхода. Бонхёффер приходит к выводу, что его позитивистское понимание откровения считает проблему тем самым решенной, не отдавая себе отчета в том, что тем самым делает мир, в котором пребывает Церковь, обособленным и предоставленным самому себе. С другой стороны, он упрекает и Бультмана, считая, что тот не был основателен в своей работе, поскольку в попытке демифологизации остановился в интерпретации мифологических понятий Нового Завета, тогда как Бонхёффер считает, что проблематичны не только мифологические понятия, но и религиозные. По этой причине он считает, что Бультман «зашел не слишком далеко, как считает большинство, но недостаточно далеко».

На основании приведенного можно заметить, что теология Барта уделяет слишком мало внимания герменевтике. С другой стороны, Бультман со своей программой демифологизации остановился на полпути, тогда как Бонхёффер считает, что герменевтический охват должен быть шире, следует безрелигиозно интерпретировать теологические понятия, однако же с осторожностью, чтобы не принизить роль веры, как в случаи демифологизации.

Изначальная попытка Бонхёффера актуализировать К. Барта привела его к восполнению антропологического аспекта, недостаток которого выразился в критике последнего за «христомонизм»[20] и здесь Бонхеффер как будто бы соглашается с Бультманом. «Если теология пытается говорить «о Боге», «подобная речь не имеет смысла, ее предмет теряется». Бог не может быть предметом познания как объект среди объектов, но Он обращается к человеку,

[20] Гренц С., Олсон Р. Богословие и богословы XX века / О. Розенберг, пер. Черкассы, 2011. 104-105 с.

призывает его. Мы можем говорить о Боге «из Бога», из Его Откровения человеку. Теология возможна, только если она обращается к человеческому существованию. На вопрос о возможности говорить о Боге, Бультман отвечает: «только говоря о нас», о том, что Бог совершает в конкретном человеческом существовании»[21].

Бонхеффер отчасти соглашается с этой логикой, именно здесь он видит, что рассуждение о человеке невозможно без рассуждения о Боге через Христа, в этом открывается «христоцентризм» Бонхёффера.

В этом разделе интересно рассмотреть косвенное влияние хайдеггеровской концепции бытия на теологию Бонхёффера. Несмотря на то, что Бонхеффер признает концепцию Хайдеггера абсолютно неприменимой для христианской мысли, он все же нашел возможность усвоить из неё нечто для своей будущей теологии, для выражения своей главной идеи. «Бонхеффер берет только ключ, если можно так выразиться, и использует его, чтобы открыть дверь в перспективы, которые очень мало связаны с фактическими выводами Хайдеггера о значении человеческого существования»[22]. Это было, как ни странно, абсурдным отказом думать о человеке без Бога, по крайней мере, в какой-то степени богоподобном. Человек здесь обретает свою целостность, самость не благодаря абсолютизации духа, а именно благодаря тому, что он сознательно смиряется со своей конечностью. В размышлениях Хайдеггера Бонхеффер вдруг находит антропологию, которая будет больше всего соответствовать его идее о «совершеннолетии мира». Он видит, что совершеннолетие мира открывается в том, чтобы человек научился перед самыми существенными вопросами своего бытия обходиться без Бога, и брать ответственность на самого себя. Задача Бонхёффера как богослова теперь состоит в том, чтобы через эту призму заново выразить истину откровения.

---

[21] Коначева С.А. Наука о бытии и наука о вере: проблема соотношения философии и теологии в религиозной мысли XX века. [Электронный ресурс]. – URL https://iphras.ru/site/sci_spir/papers/konacheva.html#_ftn2 (Дата обращения:21.03.2023).

[22] De Keijzer, Josh. Lingering Influence Fragmentary Presence: Bonhoeffers Appropriation of Heideggers.draft // Academia.edu [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia. edu/31077118/Lingering_Influence_Fragmentary_Presence_Bonhoeffers_Appropriation_of_Heideggers_draft?email_work_card=title. P.12.

Нечто существенное разделяя с Хайдеггером, Бонхеффер хочет не просто оставить место для Бога, но ввести со Христом опыт принципиального нового бытия и нового божественного акта.

ГЛАВА 2 «БЕЗРЕЛИГИОЗНОЕ ХРИСТИАНСТВО»

2.1 Концепция совершеннолетнего мира

«Безрелигиозное христианство» – термин, который создан Дитрихом Бонхёффером и исполнен таинственности, а тем самым и вдохновения из-за свойственной ему парадоксальности. Мысль о «безрелигиозном христианстве» Бонхёфферу вдруг оказывается в тюрьме в контакте с людьми не церковными: «Я выйду отсюда (из тюрьмы) наверняка не как «homo religiosus», напротив, мое недоверие и мой страх перед «религиозностью» здесь еще выросли. То, что израильтяне никогда не произносили имени Бога, заставляет меня постоянно задумываться над этим, и я все лучше понимаю это....»[23].

Если раньше Бонхёффер в основном общался со студентами, и с прихожанами своего прихода, то здесь он оказывается с совершенно далекими от религии людьми и понимает, что с ними говорить привычным ему языком о Боге очень проблематично, и что они не очень понимают, что такое грех, их сложно напугать смертью, и, что Бог нужен для того, чтобы загробная участь казалась не такой страшной, такая мысль этим людям не очень близка.

Мне думается, что первая мотивация, почему Бонхёфферу приходит в голову эта идея, это попытка адаптировать христианскую проповедь для простых людей, но далее она постепенно это перерастает во что- то более глубокое.

Из писем мы видим, что концепция «безрелигиозного христианства» не просто способ проповеди, это какая-то попытка нащупать сущность христианства. Потому что когда мы говорим, что если религия- это лишь оболочка, то что тогда христианство? И если мы убираем религию, что у нас остается? Эту попытку разделить религию и христианство пытается сделать Бонхёффер, пытается сделать глубокий анализ, и понять, что такое христианство само по себе.

Чтобы понять значение термина, прежде всего представим и поясним теологию Дитриха Бонхёффера, о которой он сам говорил с дозой скептицизма, однако же

[23] https://knizhkionline.com/page-20-4295-soprotivlenie-i-pokornost-ditrih-bonheffer.html (Дата обращения:14.06.2023).

и смелости. Это отчетливее всего видно из его слов в «Письмах из тюрьмы»: «… Ты мне сейчас задаешь о мыслях, которые обуревают меня в последнее время, так много важных вопросов, что я был бы исполнен радости, если бы мог на них ответить. Все это еще только в самом начале, и я больше, как это в основном и бывает, предчувствую вопросы, чем ясные ответы» [24]. Хотя у него и было желание до конца сформулировать свою теологию и оформить ее в единое целое, это ему не удалось из-за обстоятельств, в которых он находился. И все же Бонхёффер оставил множество указаний, при помощи которых можно понять суть его теологии, и далее мы попытаемся ее пояснить.

Главная нить, проходящая через последующую часть этой работы – тот факт, что мир, в котором мы живем сегодня, стал автономным, зрелым, совершеннолетним и что в таком мире религия не занимает жизненно важного места, принадлежавшего ей ранее, и Бонхёффер задает себе вопрос, как можно проповедовать сегодняшнему человеку Христа, и как вообще говорить о Боге без религии?

Совершеннолетний мир, точнее мир, достигший совершеннолетия – это термин, созданный Бонхёффером, а вдохновили его произведения Вильгельма Дильтея, представителя либеральной теологии XIX века, который часто говорил об автономии разума[25].

Что подразумевал под этим понятием Бонхёффер, частично можно узнать из его письма от 8 апреля 1944 года. Аналогично Дильтею, который говорит об автономии разума, Бонхёффер говорит о человеческой автономии, под которой он понимал «открытие законов, по которым мир живет и осознает себя в науке, в общественной и политической жизни, в искусстве, этике, религии. Человек во всех важных вопросах научился обходиться собственными силами без привлечения рабочей гипотезы о существовании Бога. В вопросах науки, искусства и этики это стало самоочевидным, о чем едва ли кто отважится еще спорить, но вот уже около 100 лет это все в большей степени становится

[24] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 145 с.

[25] Škrinjar A. (1980) „Nereligiozno tumačenje biblijskih pojmova“, Crkva u svijetu, 15(4), стр. 312. [Электронный ресурс]. – URL: https://hrcak.srce.hr/90201 (Дата обращения: 23.04.2023).

справедливым и для религиозных проблем. Оказывается, что все идет своим путем и без «Бога», причем ничуть не хуже, чем прежде. Как в области науки, так и в общечеловеческой сфере «Бог» все больше вытесняется из жизни»[26]. Как указывает сам Бонхёффер, человек в момент, когда его силы пасуют, опирался на некоего deus ex machina, который был нужен ему лишь в моменты слабости, но проблема возникла, когда человек пришел к некоторому виду автономии, когда он научился решать разные вопросы своими силами, без помощи рабочей гипотезы – Бога. Здесь, чтобы люди воспротивились чувству собственной уверенности, на сцену вступает христианская апологетика в разных формах, которая попыталась доказать этим людям, что они не могут жить без «опекуна – Бога», ссылаясь на «последние вопросы», на которые нынешняя наука еще не может ответить, и на которых теология стремится выстроить Божий авторитет. Такое понимание Бонхёффер осуждает: «Нападки христианской апологетики на совершеннолетие мира я считаю, во-первых, бессмысленными, во-вторых, нечестными, в-третьих, нехристианскими. Бессмысленными – потому что они напоминают мне попытку отбросить ставшего мужчиной человека на стадию переходного возраста, т.е. навязать ему зависимость от тех вещей, от которых он фактически уже не зависит, ввергнуть его в гущу проблем, которые на деле уже перестали быть для него проблемами. Нечестными – потому что здесь стремятся использовать человеческие слабости ради чуждых, принудительно навязанных ему целей. Нехристианскими – потому что Христа подменяют определенной ступенью религиозности человека, т. е. человеческим законом. Позднее я остановлюсь на этом подробнее»[27].

Здесь, как нам кажется, есть отсылка к тому, как развивается ребенок. Пока ребенок маленький, он всецело зависит от родителей, и это нормально, что он воспринимает родителей как источник всего блага. Без них ребенок беспомощен и слаб, но как ребенок постепенно растет, и если он нормально развивается, то он становится самостоятельным и в родительской опеке больше не нуждается.

[26] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 145 с.
[27] Там же. - 146 с.

По сути, задача родителей- воспитать ребенка так, чтобы они ему были больше не нужны в материальном смысле, чтобы ребенок мог обходиться без них. Но в отношениях с родителями наступает подростковый период, когда подросток переживает кризис, считает, что может справиться без них и родители при этом обычно боятся, и пытаются доказать свою значимость, на этой почве возникают конфликты. При нормальном течении развития в какой- то момент человек понимает, что родители ему нужны не для того чтобы его кормить, обеспечивать и так далее, но с ними можно дружить, общаться и, что от них не нужно отказаться и ими пренебрегать. Думается, что здесь Бонхёффер это имеет ввиду, что человечество когда- то нуждалось в Боге для составления картины мира, потом Бонхёффер воспринимает эпоху Возрождения, как некоторый подростковый период и в конце говорит, что вот сейчас мы дожили до совершеннолетия, когда нам Бог не нужен для того, чтобы помогать нам в каких-либо земных делах, решать какие-либо наши земные вопросы, так как мы Его вытесняем из- за того, что можем сами решить их и сделать. Технологическое развитие и комфортность нашей цивилизации очень сильно уменьшает человеческое чувство в зависимости от Бога, и нужда в молитве к Богу у рыбака в лодке выше, чем у рыбака в катере с мощным двигателем.

Глядя исторически, автономия мира – нечто, что не возникло одномоментно, к ней привел долгий путь развития, который приблизительно начинается еще во время Джордано Бруно, с его «еретического» учения о гелиоцентричной системе. Разумеется, автономия мира отражается и в других сферах, ведь, как указывает Бонхёффер: «Бог как моральная, политическая, естественнонаучная рабочая гипотеза упразднен, преодолен; точно так же, как и в смысле философской и религиозной гипотезы. Интеллектуальная честность требует отказа от этой рабочей гипотезы или исключения ее в максимально широких пределах»[28].

Путь развития автономии мира является достаточной причиной, по которой Бонхёффер считает нападки христианской апологетики на зрелость

[28] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 161 с.

мира бессмысленными, неприличными и нехристианскими, потому что совершить сально-мортале назад, в Средневековье или еще более ранние эпохи означало бы вернуть совершеннолетний мир в переходный возраст, а это достаточная причина принять этот мир таким, каков он есть. Все указанное является причиной парадоксального во всем утверждения Бонхёффера, что следует жить в мире, как будто Бога нет. «И мы не можем быть честными, не сознавая, что мы должны жить в мире „etsi deus non daretur“[29]. А как раз это мы познаем – перед Богом! Сам Бог принуждает нас к такому выводу. Так наше совершеннолетие ведет нас к подлинному познанию нашей ситуации перед Богом. Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем. Перед Богом и с Богом мы живем без Бога»[30]. Описываемые рассуждения Бонхёффера вызвало мощную критику протестантских и римско-католических историков, считающих такое развитие отпадением от самого Бога и Христа.

Помимо изложенных рассуждений Бонхёффера о совершеннолетнем мире и его отношениях с Богом, этот раздел мы завершим его предложением, которое находим в предпоследнем параграфе одного его письма: «Совершеннолетний мир безбожнее несовершеннолетнего, но именно поэтому, наверное, ближе к Богу»[31].

«Что меня постоянно занимает, так это вопрос, чем для нас сегодня является христианство и кем – Христос? Время, когда людям все можно было высказать словами (будь то теологические рассуждения или благочестивые речи), давно миновало, то же относится ко временам интереса ко внутреннему миру человека и к совести, а это значит, и ко времени религии вообще. Мы приближаемся к абсолютно безрелигиозному периоду; люди уже могут просто быть нерелигиозными. Те же, кто честно называет себя религиозными, не практикуют религии никоим образом; возможно, под религиозностью они

[29] Фраза Гуго Гроция: «как если бы Бог не был дан», т. е. без «рабочей гипотезы о Боге».
[30] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 161 с.
[31] Там же, - 165 с.

понимают нечто иное. Наши общие христианские возвещение и теология, насчитывающие 1900 лет, опираются на априорную религиозность людей. Христианство всегда было одной из форм (вероятно, истинной формой) религии. Если же в один прекрасный день окажется, что этой априорности вообще не существует, что это была временная, исторически обусловленная форма самовыражения человека, если, таким образом, люди в самом деле станут радикально безрелигиозными – а я думаю, что в большей или меньшей степени это уже имеет место… что это будет значить для христианства?»[32].

В письме Бонхёффера от 30 апреля 1944 года мы находим много вопросов о том, что религия под вопросом, и о важности христианства, на которые он ищет ответ, в числе самых важных: Как можно говорить о Боге без религии? В том же письме мы находим сравнение обрезания и религии: «Вопрос Павла, является ли перитоме (обрезание) условием оправдания, по моему мнению, сегодня значит: является ли религия условием спасения. Свобода от перитоме также является свободой от религии»[33]. Можно заметить, что в этом примере Бонхёффер ищет достойные аргументы, чтобы аргументировать свое утверждение о том, что религия есть лишь оболочка христианства, от которой христианству следует освободиться.

На тех же страницах письма мы находим признание, что проблематику различения религии и христианства начал не он, а его церковный учитель Карл Барт: «Барт, единственный, кто начал размышлять в этом направлении, все-таки не реализовал и не продумал эти идеи, но пришел к позитивистскому пониманию откровения»[34]. О том, что Бонхёффер стал продолжателем идеи своего учителя, мы говорили и в предыдущей главе. Последствием освобождения христианства от религии Бонхёффером является его намерение истолковать библейские понятия и сегменты, связанные с Церковью, в «светском», «безрелигиозном» ключе. О каком именно толковании идет речь, Бонхёффер не пояснил, но мы можем понять, о чем идет речь, из его определения религиозного толкования:

---

[32] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 123 с.
[33] Там же. - 124 с.
[34] Там же.

«Но что же понимать под религиозной интерпретацией? Это означает, на мой взгляд, рассуждать, с одной стороны, метафизически, а с другой – индивидуалистически»[35].

2.2 Безрелигиозная интерпретация

Намерением Бонхёффера, о чем мы говорили выше, как теолога было приблизить Христа к нерелигиозным людям, а также дать нерелигиозному человеку способность принять Христа как Бога. Чтобы не отступиться от своего намерения, нужно было, чтобы христианское послание осталось достоверным и понятным человеку, живущему в мире без религии, чтобы само это послание было освобождено от религии. Чтобы понять, что хотел сказать Бонхёффер, мы должны в первую очередь понять, что он считает религией, поэтому далее мы проанализируем термины, которыми он ее характеризует.

Что касается термина метафизики, Бонхёффер не давал однозначных определений, но в его словах можно увидеть, что он использовал этот термин, чтобы описать запредельность Бога, абсолютность и – можно смело сказать – непознаваемость. Что он занимал такую позицию по отношению к Богу, видно из его письма: «Запредельность Бога – это не запредельность нашей способности познания! Гносеологическая трансцендентность не имеет никакого отношения к трансцендентности Бога. Бог трансцендентен посреди нашей жизни»[36]. Именно при помощи этого термина Бонхёффер описывает и критикует теологию, которая возникла в эпоху просвещения и в момент, когда рацио занимало ведущее место в разговоре о Боге. Человек не способен познать умом Сущность Бога, и это причина, по которой зазор между Богом и человеком растет, что станет причиной устранения Бога из человеческих жизней. Такой теологическо-рационалистический подход он называет религией.

Другая характеристика религии, по его мнению – «рассуждать индивидуалистически» – Бонхёффер задается вопросом: «Разве все мы

[35] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994,, - 126 с.
[36] Там же. - 125 с.

практически не утратили индивидуалистического интереса к личному спасению души? Разве не создается у нас впечатление, что есть вещи более важные, чем этот вопрос (наверное, не «чем это дело», а все-таки «чем этот вопрос!?») Не образуют ли средоточие всего праведность Божия и Царство Божие на земле? И разве суть Рим 3.24[37]. заключается в индивидуалистическом учении о спасении, а не в том, что один Бог праведен?»[38]. Можно заметить, что Бонхёффер в это время был потрясен чрезмерной заботой индивида о собственном спасении, уходом индивида в себя и игнорированием земной реальности – и все это в целях искупления, подразумевающего освобождение от забот, греха и смерти. Такой вид набожности, отражающийся в том, что жизнь в вере сводится к индивидуальным отношениям человека с «его» Богом, можно было найти у верующих протестантов, и Бонхёффер резко ее критикует. На основании сказанного можно заключить, что в контексте «индивидуалистических рассуждений» Бонхёффер говорил не о религии вообще, а о пиетистском понимании христианства[39].

После всего изложенного вернемся к его вопросу: Что же понимать под религиозной интерпретацией? – который мы переформулируем в вопрос: что значит интерпретировать безрелигиозно? Принимая во внимание все вышесказанное, можно сказать, что под «безрелигиозной интерпретацией» Бонхёффер подразумевал библейскую речь и толкование, имея перед глазами другого человека, своего ближнего.

Мы сделали вывод, что «безрелигиозный человек» не имеет потребности в религиозности, такой, как поиск утешения в запредельности или заключение себя в собственное благочестие.

В своем письме Бонхёффер задает вопрос, что такое безрелигиозное христианство, и приходит к ответу, что это христианство, освободившееся от религии, которая была оболочкой христианства, оболочкой, которая «в разные

---

[37] «будучи оправдываемы даром, по Его благодати, чрез искупление, которое во Христе Иисусе».

[38] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 126 с.

[39] Полемика вокруг пиетизма в определенном смысле велась о том, должна ли христианская вера просто утверждать общепринятые нравственные нормы или вести верующих к иному образу жизни.

времена выглядела совершенно по-разному, обусловленная временем предпосылок метафизики, душевной жизни человека и т.д., и т.п.»[40].

Очевидно, хотя он нигде не упоминает об этом однозначно, что Бонхёффер хочет освободиться от той религии, которая характеризовала протестантский мир его времени и о которой мы уже говорили. По этой причине он хочет вернуться к корням, где Христу принадлежала одна роль, что дает нам право констатировать: христианство без религии есть чистое христологическое христианство.

Частичный ответ на главный вопрос можно найти и в сравнении Бога религиозных людей с нерелигиозными. Для первых Бог присутствует как deus ex machina, который пребывает там, где человеческое познание не может идти дальше, т.е. там, где возникают человеческие слабости. Такой подход к Богу требует от религиозного человека просить у Него помощи, ибо Его Сущность не ограничена и тем самым всемогуща. В отличие от первого понимания, вторые обращают взоры к Богу, пришедшему в этот мир, пережившему унижение и страдание ради него. Нерелигиозный христианин обращается к бессилию и страданиям Бога. Хотя Бонхёффер не приводит точное определение нерелигиозного христианина, не трудно догадаться, о каком христианине речь – о христианине, который своим образом жизни жаждет отождествления или, говоря мягче, сближения с личностью и жизнью самого Господа Иисуса Христа.

«Религиозность указывает человеку в его бедах на могущество Бога в мире. Бог – deus ex machina. Библия же указывает человеку на бессилие, на страдание Бога, помочь может лишь страждущий Бог»[41]. Из приведенного можно заключить, что речь о Господе Иисусе Христе, который бескорыстно отдал свою жизнь за нас, указав нам таким образом на новый образ жизни, который Бонхёффер определяет, как «жизнь для других». Ведь, как он и говорит, что

[40] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 125 с.
[41] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, 161-162 с.

Иисус «призывает нас не к новой религии, а к жизни»[42], к жизни, в которой мы отдаем всего себя для других, для своих ближних.

Здесь важно пояснить термин deus ex machina. Этот термин взят из греческого театра, когда действия постановки так развивались, что уже становилось непонятно, как его дальше решить, когда не было видно впереди никакого выхода, а только гибель, вдруг, появлялось какое-либо божество, иногда с помощью какого-нибудь механизма его опускали, и оно решало безвыходную ситуацию. Таким образом, deus ex machina – это бог, который появляется в неразрешимой ситуации и ее разрешает, бог как инструмент для того, чтобы выйти из сложного и неудобного положения.

Если вспомнить основоположника идеи о разнице между религией и христианством, Карла Барта, мы заметим, что он остановился, по словам Бонхёффера, на позитивистском понимании откровения, которое отражается в теоретическом отображении Божьего самовозвещения, которое завершилось с воплощением Христа. В отличие от чисто теоретического принятия Божьего самовозвещения в Христе, Бонхёффер зашел намного дальше, в сердцевину христианства, которая находится в противоречии с религией, провозгласил новый образ жизни – жизнь для других.

Разговор о «вовлечении Христа в совершеннолетний мир» может показаться парадоксальным, если мы помещены в контекст верующего человека, последовательно живущего религиозной жизнью. Что подразумевает под этим Бонхёффер? Вовлечь Христа в совершеннолетний мир – подразумевает переместить фокус внимания на Христа, потому что Его позиция долго была функциональной, т.е. к нему относились (относятся) как к некоему deus ex machina.

«Люди к Богу приходят, когда они в беде, молят о помощи, просят счастья и хлеба, избавления от болезней, вины и смерти. И так поступают все, все – христиане и язычники»[43].

---

[42] Там же, - 165 с.

[43] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, 161-162 с.

В первой строке стихотворения «Христиане и язычники» Бонхёффер изображает реальную картину отношения человека к Богу. Эта картина уходит корнями в древность и дошла до наших дней, с разницей в силе той автономии, которую человек приобретал со временем и которой мы посвятим следующие несколько предложений.

Если заглянуть вглубь истории, мы увидим, что человек всегда сталкивался с одними и теми же проблемами: окружением, здоровьем, вселенной и т.д. И все же столкновение с одними и теми же проблемами не всегда несло с собой одинаковую тяжесть в разные периоды человеческого существования – оно зависело от человеческого разума, который со временем достигал своих вершин, позволивших ему самостоятельно решать некоторые свои проблемы.

Глядя исторически, с онтогенетическим развитием человеческого разума Бог вытеснялся на «обочину» человеческого существования и служил своего рода компенсацией в моменты ограниченности и слабости человеческого разума. Такой подход больше всего проявляет себя со времен Просвещения, с той поры, когда человеческий разум занимает довлеющее положение, а Бог рассматривается как deus ex machina. На основании этого Бонхёффер будет говорить о вовлечении Христа в совершеннолетний мир, ведь Бог не может быть компенсацией нашей слабости, ограниченности или немощи – его позиция должна быть центральной.

«Мне еще раз стало абсолютно ясно, что мы не имеем права использовать Бога как аварийный выход для нашего несовершенного познания; если в таком случае (что вытекает с объективной необходимостью) границы познания постоянно раздвигаются, то вместе с ними так же постоянно оттесняется и Бог, который, так сказать, пребывает все время в отступлении. Наша задача – найти Бога в том, что мы познаем, а не в том, что мы не познаем, Бог хочет быть постигнутым нами не в нерешенных вопросах, а в решенных. Это справедливо для взаимоотношения Бога и научного познания. Но это также относится и к общечеловеческим проблемам смерти, страдания и вины. В наши дни создалась ситуация, когда и для таких вопросов имеются человеческие ответы, которые

могут совершенно не учитывать Бога. Люди фактически справляются с этими вопросами без привлечения Бога (и так было во все времена), и просто не соответствует истине мнение, что только христианство имело для этого решение»[44].

Как можно увидеть из этого текста, Бонхёффер никак и нигде не ограничивает совершенствование человеческого разума, наоборот, он настаивает на активной деятельности человека. Недопустимым он считает «помещение» Бога за пределы наших возможностей, которые постепенно растут. Бог для Бонхёффера – не «аварийный выход для нашего познания», он существует не только для того, чтобы давать нам ответы на то, что неподвластно нашему разуму. По этой причине он считает, что «…лучше молчать и оставлять неразрешимое неразрешимым»[45], а фокус внимания переместить на Христа, находящегося в средоточии в любой момент и в любой ситуации в нашей жизни. «… я же хочу говорить о Боге не на пределах человеческого, а в средоточии его, не в слабостях, а в силе, короче, не перед лицом смерти и вины, а в жизни, перед лицом человеческой доброты. Думаю, что на пределах лучше молчать и оставлять неразрешимое неразрешимым. Вера в воскресение не есть «разрешение» проблемы смерти. «Запредельность» Бога – это не запредельность нашей способности познания! Гносеологическая трансцендентность не имеет никакого отношения к трансцендентности Бога. Бог трансцендентен посреди нашей жизни. Церковь стоит не там, где кончаются человеческие возможности, не на околице, но посреди села»[46].

Контекст, в котором Бонхёффер пишет о Христе в средоточии –это контекст, в котором Он занимал незавидное положение в жизни человека. Христос и в особенности Церковь были безгранично важны в Средневековье. И такое понимание изменилось с реформацией, а также в эпоху Просвещения, в которой преобладало рацио. По этой причине Бонхёффер подчеркивал ограниченность человеческого разума, равно как и невозможность познания

[44] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, - 142 с.
[45] Там же, - 125 с.
[46] Там же, - 142 с.

существования Бога. Он крайне тонко и элегантно, если можно так выразиться, отрицает всякую возможность того, чтобы разум мог проникнуть в существование Бога.

Мы считаем важным, что Бонхёффер в данном контексте хотел подчеркнуть невозможность проникновения разумом в трансцендентность Бога, однако же и то, что Христос несомненно присутствует в нас, Он есть Путь, Истина и Жизнь, и это обеспечивает Ему место в средоточии людских жизней, а тем самым и Его обмирщенность – вместе с Его Откровением и Святыми тайнами.

На основании сказанного можно заключить, что Бонхёффер не отрицает силу человеческого разума, ведь тот обладает несомненным потенциалом развития и достижения все новых высот. И все же Бонхёффер считает, что человеческий разум не способен достичь таких высот, чтобы познать трансцендентность Бога. Помимо попыток рационализации Божьей трансцендентности, Бога также рассматривали как deus ex machina, как того, кто приходит нам на помощь, когда наши силы иссякают. По этой причине Бонхёффер говорит о Христе в средоточии, о переносе центра тяжести с попыток познать Его божественную природу на следование Его стопами, а также с Христа, который маргинализован[47], на Христа, непрестанно пребывающего с нами.

Попросту говоря, христианство без религии есть чисто христологическое христианство. Предшествующая констатация отражает важную особенность теологии Бонёхффера, которая проявляется в критике рационалистического, равно как и пиетистского подхода к религии, но о каком же христологическом христианстве идет речь.

Для лучшего понимания далее мы изложим учение Бонхёффера о религиях (мифах) о спасении.

В письмах можно заметить, что Бонхёффер размышляет о Ветхозаветной Церкви которая свое спасение мыслило в этом историческом плане, в контексте

[47] от лат. marginalis – находящийся на краю.

этого мира, в отличие от Новозаветной вести о том, что спасение совершилось за приделами этого мира, по ту сторону смерти. Но тогда мы отделяем Христа от мира. Вот что Бонхёффер пишет: «Еще несколько мыслей по поводу Ветхого Завета. В отличие от других восточных религий вера Ветхого Завета не является религией спасения. Не здесь ли корень фундаментального заблуждения, в результате которого Христос отделяется от Ветхого Завета и истолковывается с точки зрения мифа о спасении? На возражение, что и в Ветхом Завете спасение (из египетского, а позднее из вавилонского плена) имеет решающее значение, можно ответить, что здесь речь идет об историческом спасении, т. е. по эту сторону границы смерти, тогда как мифы о спасении везде сводятся к преодолению этой границы. Израиль спасен из египетского плена, чтобы он как Божий народ мог жить на земле перед Богом. Мифы о спасении ищут вечности после смерти, вне связей с историей…Тогда говорят: суть дела в том, что в христианстве возвещается надежда на воскресение и что таким путем, дескать, возникла настоящая религия спасения. Центр тяжести тут переносится по ту сторону границы смерти. И вот именно здесь вижу я ошибку и опасность. Спасение теперь означает избавление от забот, нужды, страхов и тоски, от греха и смерти в лучшем мире. Но разве в этом заключается сущность христианского возвещения и провозвестия Павла? Я с этим не согласен»[48].

В приведенном отрывке можно заметить критику Бонхёффером пиетистского подхода, а также излишней надежды на будущую жизнь и пренебрежения этой жизнью. Здесь, как мы объяснили выше, Бонхёффер не умаляет важность надежды на воскресение, но отрицает надежду на воскресение как единственную реальность сейчас и здесь, во времени и пространстве, на земле. А именно: он говорит о разнице между мифологическим ожиданием, которое не является христианским, поскольку оно нацелено на некий иной, лучший мир, тогда как надежда на воскресение действительно направлена в лучший мир с Христом, но в равной мере и в мир забот, горестей, страха, желаний, греха и смерти, в котором мы живем и в котором пребывал Христос,

[48] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, 152-153 с.

ощутив каждую из приведенных характеристик. Поэтому Бонхёффер подчеркивает: «У христианина, в отличие от верующих в мифы о спасении, нет последней лазейки в вечность для избавления от земных дел и трудностей, но, как Христос («Боже Мой, почему Ты Меня оставил?»), он должен сполна испить чашу земной жизни, и только в том случае, если он так поступает, Распятый и Воскресший стоит рядом с ним, а он со Христом распинается и воскресает»[49]. Итак, Бонхёффер настаивал на акцентировании этой стороны жизни, но не на пренебрежении другой стороной, надеждой на воскресение, к которой стремится каждый христианин. Мы считаем, что он одинаково верил в обе жизни, к обеим по-настоящему стремился, но что в период, на который пришлась его работа, было необходимо создать баланс между этими двумя реальностями. Две реальности, о которых мы говорим, Бонхёффер называет в своем труде «Этика» последними и предпоследними вещами – и констатирует, что из-за последних мы вынуждены говорить о предпоследних вещах[50].

В своем труде «Этика» Бонхёффер указал, что отношения между двумя реальностями могут проявиться двумя крайними способами: радикальным и компромиссным. Приведем пояснение:

а) Радикальный способ полностью противопоставляет последнее предпоследнему. В качестве единственной реальности он видит последнее, тогда как Христос находится в коллизии с предпоследним, и наоборот. Например, как сказано «Кто не со мной, тот против меня»[51]. Как видно, данный способ полон враждебности между этими двумя реальностями, и лишь в такой картине он и существует.

б) Компромиссный способ не считает последнее и предпоследнее полностью противопоставленными, но принципиально их разделяет. Предпоследние вещи еще можно совершать в ответственности за этот мир. Хотя данный способ кажется не таким экстремальным, это все же не так, поскольку

[49] Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность. – М.: «Прогресс», 1994, 152-153 с.
[50] Бонхёффер Дитрих. Этика. – М.: ББИ, 2013. 154-156 с.
[51] Мф 12:30.

последние вещи он помещает по ту сторону повседневного, выстраивая к ним отношение маргинализации[52].

Оба приведенных нами решения являются одинаково крайними, поскольку в равной мере содержат истинное и ложное. Они крайние, поскольку это две взаимоисключающие противоположности, каждая из которых отрицает другую независимо от способа отрицания, ведь они исходят из двух противопоставленных точек, и оба способа идеализируют то, что отстаивают. Таким образом разрушается единство самого Бога, а также вера в Бога. Потому оба эти способа чужды христианской жизни. Бонхёффер подчеркивает не что иное, как этиологическую связь между двумя реальностями, их взаимную потребность друг в друге, а также единство. Единство последней и предпоследней реальности можно найти лишь в единстве Бога и человека, а единственным связующим звеном является Христос – Бог-человек[53]. «В Иисусе Христе мы верим в вочеловечившегося, распятого и воскресшего Бога. В воплощении мы познаем любовь Божью к своему творению, в распятии – суд Божий над всякой плотью, в воскресении – волю Божью о новом мире»[54]. В Иисусе Христе приведены все три формы объединения, т.е. две реальности, о которых мы говорили. Если бы мы говорили о них противопоставляя, т.е. разделяя их, это привело бы нас к одному из двух крайних способов.

Говорить на эту тему – значит затронуть христологию Бонхёффера, о которой он много писал, но мы коснемся лишь его христологических лекций 1933 года. Главная тема этой лекции относилась к личности Господа Иисуса Христа, но не в контексте того, как возможно, что Он Бог, а в контексте того, кем Он является для нас сегодня. Говоря о Христе, Бонхёффер непосредственно опирается на Халкидонскую христологию, согласно которой невозможно отделить речь об историческом «Иисусе» от «Христа». «Исторический Иисус» –

---

[52] Бонхёффер Дитрих. Этика. – М.: ББИ, 2013. 137-138 с.

[53] «Ни идея чистого христианства самого по себе, ни идея человека каков он есть не являются серьезными; серьезна только действительность Божия и действительность человека, которые в Иисусе Христе стали одним. Не какое-либо христианство, но только сам Иисус Христос серьезен; в Иисусу Христе место радикализма и компромисса занимает действительность Бога и человека». Дитрих Бонхёффер. Этика, Москва, ББИ, 2013 с. 139.

[54] Бонхёффер Дитрих. Этика. – М.: ББИ, 2013. -142 с.

фундамент, на котором Бонхёффер выстраивает все свое учение. Это можно заметить и в том, что он подчеркивает приоритет христологии относительно сотериологии, через критику индивидуалистической концепции спасения, а также чаще подчеркивая делая акцент на «кресте» нежели на «победе», хотя, по его мнению, это подразумевается – мы подробнее поговорим об этом позже.

Сравнение Божьей и человеческой реальности с божественной и человеческой природой опираться на Халкидонскую христологию, которая догматизировала христианское учение о двойственной природе Христа[55]. Господь Иисус Христос является в полной мере носителем и божественной, и человеческой природы, которые остались неизменными и неразделимыми. Такое же отношение можно применить и к двум реальностям, сохранившим свои характеристики неизменными, но объединенным в единой Личности Христа, который, воплотившись, остался истинным Богом и истинным Человеком.

Поскольку Христос воплотился и стал человеком, и человеческая реальность примирилась с Богом во Христе, следовательно, христианство не должно пренебрегать ей. Не должно теперь говорить о Божьей и человеческой реальности как о чем-то отдельном, ибо обе присутствуют в одной Богочеловеческой Личности – Иисусе Христе: «Не существует христианства в себе, оно разрушило бы мир, не существует человека в себе, он не принял бы Бога. То и другое – идеи; есть Бог-человек Иисус Христос, который поистине есть и которым мир будет содержаться до тех пор, пока он не созреет для своего конца»[56]. Единственная реальность, о которой можно говорить теперь – реальность Христа, Бога-человека, объединяющего в себе Божью и

[55] «И так, следуя за Святыми Отцами, мы все согласно учим исповедовать одного и истинного Сына, Господа нашего Иисуса Христа, Его равно совершенного по Божеству и Его равно совершенного по человечности, и Его равно истинного Бога и истинного Человека, из разумной души и тела, единосущного Отцу по божественности и Его равно единосущного нам по человечности, во всем подобного нам, кроме греха, родившегося от вечности от Отца по божественности и Его же родившегося в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Девы Марии Богородицы по человечности. Его, одного Христа, Сына, Господа, Единородного, в двух природах неслиянно, неизменно, неразделимо, неразрывно известного (греч. ἀσυγύτως, ἀτρέπτως, αδιαιέτως, ἀχωρίστως), так что соединение не нарушило разницу природы, а более того, сохранило свойство обеих природ и соединяется в одном лице и одной ипостаси – не в двух лицах разделенного или раздельного, а Его, одного и единого Сына Единородного, Бога Логоса, Господа Иисуса Христа, как изначально (возвещевали) о Нем пророки и как сам Господь Иисус Христос научил нас и передал нам Символ Отцов».

[56] Бонхёффер Дитрих. Этика. – М.: ББИ, 2013. -139 с.

человеческую реальность, последнее и предпоследнее, имманентное и трансцендентное.

Бонхёффер создал баланс, о котором мы говорили, согласно которому обеим реальностям придается одинаковая важность во Христе. Они не исключают друг друга, напротив, они утверждают друг друга. Бонхёффер делает вывод, что человек больше не живет лишь в той реальности, которая ему естественно предопределена; его нынешняя реальность – реальность Христа, объединяющая в себе и Божью, и человеческую реальность.

Реальность, которая теперь сопутствует жизни христианина, есть реальность Христа, отражающаяся в воплощении Христа и в том факте, что он начал быть частью Того, что через Него начало быть. Это причина для видения мира лишь через отношения с Богом. Мир больше не является лишь падшим, грешным и преходящим. Мир приобретает новое измерение за счет примирения с Богом – измерение Христа.

«Лишь тогда, когда осознаешь непроизносимость Божия имени, можно произнести имя Иисуса Христа; лишь тогда, когда полюбишь жизнь и землю так, что кажется, будто с ними погибнет все, можно верить в воскресение мертвых и новый мир; лишь тогда, когда возьмешь на себя бремя Закона, можно позволить себе говорить о божественной милости; и лишь тогда, когда гневная, карающая десница Бога как явная действительность повиснет над Его врагами, мысль о прощении и любви может коснуться нашего сердца. Тот, кто слишком поспешно и слишком прямолинейно стремится чувствовать и жить в духе Нового Завета, тот, на мой взгляд, не христианин…»[57].

Для Бонхёффера мы видим, что земная жизнь-это не просто что-то, что нужно потерпеть, не просто что-то, от чего нужно сбежать, но это важный этап в жизни христианина, который играет важную роль в сотерологическом плане, в деле его спасения.

[57] https://luteranstvo.org/index.php/explore/menu-style/kniga-soglasiya/94-biblioteka/417-pisma-drugu (дата обращения:14.06.2023).

В земном мы находим Бога, и когда, научившись жить в земном, мы можем делать, шаг дальше. А религия – это восстановление связи, восстановление связи с Богом, и в негативном понимании религии – это, в некотором роде построить вавилонскую башню из нравственности и с помощью ее достичь Бога.

Бонхёффер говорит, что мы не видим опасности в том, что снова и снова собираемся возводить вавилонскую башню, о которой говорим, что по ней сами доберемся до неба, что мы больше не нуждаемся в делах Бога, поскольку можем заместить их своими собственными. Собственно, в этом его критика религии пиетистов.

Свидетельство об Иисусе Христе должно быть не как о религиозном гении, учителе этики, философии, но как о Господе над жизнью и смертью, как о воплощенном Слове Божьем. Ранее в своей проповеди девятого сентября тысяча девятьсот двадцать восьмого года в Барселоне Бонхёффер говорит: «Некоторые из нас обращаются к религии и надеются обрести в ней все, в чем им отказал мир: исполнение своих желаний, как земных, так и божественных. Разве не затем нужна религия, чтобы делать жизнь человека более сносной, чтобы верующие хотя бы иногда получали что-то такое, чего нет у неверных, так многие из нас думают, но как мы ошибаемся, как страшно мы исказили истину»[58]. Здесь Бонхёффер выступает против инструментального отношения к Богу. Здесь религия, как набор нравственных, культурных норм противопоставляется Живому Богу, живому общению с Ним.

При множестве определений религии, большинство говорят про то, что религия – это мостик между священным и профаном и, что весь культ нужен для того, земных людей связать с божественным, небесным, но если нет двух действительностей, если только одна действительность Иисуса Христа, то мостик не нужен, нечего объединять и функция религии, следовательно, больше не нужна, из этого понимания и появляется понятие «безрелигиозного христианства».

[58] Дитрих Бонхеффер. Проповеди, толкования, размышления - в 2-х томах М.: Издательство ББИ, 2014.

Бонхёффер спрашивал, кем является для нас Христос сегодня. Ответ на этот вопрос мог бы стать ключом, при помощи которого мы ответили бы на тему данной работы, но мы считаем, что прийти к этому ответу непросто. Этот вопрос для Бонхёффера не был риторическим.

В теологических письмах можно увидеть отрицательную позицию Бонхёффера по отношению к религиозному акту, который он всегда считает чем-то частичным, тогда как вере присуща цельность, или, по точному выражению Бонхёффера, она есть жизненный акт. Говорить о христианстве, согласно Бонхёфферу, можно, только если мы откажемся от вида религиозности того времени, который выводит христианство на территорию чистой христологии, которая может проявить себя в первую очередь как жизненный акт. Христос призывает нас не к новой религии, а к новой жизни[59].

Призыв Христа к жизни есть призыв к пути, которым шел Христос. Он призывает нас к тому, о чем Сам засвидетельствовал собственной жизнью и смертью без толики лицемерия, которым был окружен. Следовать по стопам Христа – не значит быть религиозным, это значит познать и применять христологическое христианство, а по словам Бонхёффера: «Быть христианином не значит быть религиозным на тот или иной манер, строить из себя по какой-либо методике грешника, кающегося или святого; быть христианином значит быть человеком; Христос творит в нас не какой-то тип человека, но просто человека. Христианином человек становится не в религиозном обряде, а участвуя в страданиях Бога в мирской жизни»[60].

Прежде чем перейти к остальным темам, думаем необходимо остановиться на мыслях Бонхёффера о понимании свободы, на пути который он видит к ее достижению. Здесь можно выделить четыре этапа, о которых он говорит:

[59] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа ≪Прогресс≫, 1994, - 165 с.
[60] Там же. - 164 с.

дисциплина[61], дело[62], страдания[63] и смерть[64]. Говоря об этапах, можно подумать, что речь идет одновременно и о границах свободы, что в какой-то степени не так далеко от истины, учитывая, что Бонхёффер никогда не определял свободу как свободу от границ. Напротив, он считал, что свобода требует определенных границ, которые помогают создать пространство, где один может быть свободен для другого.

2.3 Новый герменевтический ключ

Роль христианства в обществе – ежедневный вызов, с которым сталкивался Бонхёффер и перед которым также стоим и мы. Бонхёффер считал, что говорить языком ранней Церкви – нонсенс, ведь, как он говорит: «…а ты ничего из этого не поймешь. Но мы сами снова отброшены к начаткам понимания. Что означает искупление и спасение, второе рождение и Святой Дух, любовь к врагам, крест и воскресение, – жизнь во Христе и следование Христу… Наша церковь, боровшаяся в эти годы только за свое самосохранение (как будто она и есть самоцель), не в состоянии быть носительницей исцеляющего и спасительного слова для людей и мира. А потому прежние слова утратили свою силу и умолкли Все мышление, все слова и все организационные принципы в христианской жизни должны заново родиться из этой молитвы, из этих дел. Не наше дело предсказывать день, – а такой день настанет, – когда люди снова будут призваны проповедать слово Бога так, что под его воздействием изменится и обновится

---

[61] «Пустившись в путь на поиски свободы, научись сперва дисциплине чувств и души, чтобы страсти и твоя плоть не бросали тебя то в одну, то в другую сторону. Пусть целомудренными будут твой дух и твое тело, всецело покорные тебе самому и послушные на пути к цели, поставленной перед ними. Только через дисциплину можно постичь тайну свободы». Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа ≪Прогресс≫, 1994, с.169.

[62] «Не все, что угодно, но лишь правое дело творить, лишь на него

отваживаться, не витать в возможностях, но смело браться за реальное, свобода не в полете мыслей, но лишь в деле. Выйди из пугливых колебаний в бурю событий, ведомый лишь заповедью Божией и верой твоею, и свобода, ликуя, примет твой дух». Там же.

[63] «Чудесное превращение. Сильные, деятельные руки твои скованны. Без сил, в одиночестве зришь ты конец твоего дела. Но вот ты вздыхаешь с облегчением и передаешь правое дело спокойно, утешено в более крепкую руку и успокаиваешься. Лишь на мгновение прикоснулся ты, блаженно, к свободе, а вслед за тем отдаешь ее ты Богу, чтобы он завершил ее со славою». Там же.

[64] «Приди же, верховный праздник на пути к вечной свободе, смерть, разрушь тягостные цепи и стены нашего бренного тела и нашей ослепленной души, чтобы наконец мы увидели то, что здесь нам не дано было видеть. Свобода, тебя искали мы долго в дисциплине, в деле и в страдании. Умирая, познаем мы теперь в Божием лике тебя саму». Там же.

мир. То будет новый язык, возможно вообще нерелигиозный, но он будет обладать освобождающей и спасительной силой, как язык Иисуса…»[65].

Новый герменевтический ключ для Бонхёффера означает совершенно безрелигиозный, т.е. христологический язык. Необходимо заново истолковать и наделить смыслом земную жизнь и все, что она с собой несет, а также страсти и воскресение Христа. Толкование и придание смысла должны быть постметафизическими и постиндивидуалистическими, а для Бонхёффера это означает иметь Бога рядом с собой через своего ближнего. И все же Бонхёффер считает, что это серьезный вызов, поставленный им перед теологией, ведь, как он говорит, «все это настолько тяжело, настолько далеко от нас, что мы едва осмеливаемся говорить об этом»[66], но он верно следовал этому вызову до последнего вздоха.

Для понимания Бонхёффера необходимо подчеркнуть еще два фактора, которые подтолкнули его к такому мышлению. Кроме приведенных нами фактов, очевидны и важны еще два: фактор иррациональности в политическом мышлении Германии, а также отличавшая его личность «чрезмерная» заботливость. Бонхёффера радовала любовь в межчеловеческих отношениях, ведь, как он пишет в одном из писем: «Едва ли есть чувство, дающее больше радости, чем ощущение, что можешь приносить какую-то пользу людям. При этом главное вовсе не в количестве, а в интенсивности. Ведь в конце концов именно человеческие отношения и есть самое главное в жизни; тут уж ни современный «человек, нацеленный на преуспеяние», ничего не изменит, ни полубоги, ни безумцы, которые ничего и не знают о человеческих отношениях. Сам Бог дает нам возможность служить Ему в сфере человеческого. Все остальное приближается к „hybris“. Разумеется, чересчур рассудочная забота о человеческих отношениях, о значении людей друг для друга (что я почувствовал, кстати, недавно в письмах Габриель фон Бюлов-Гумбольдт) может привести к

[65] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа ≪Прогресс≫, 1994, 139-140 с.
[66] Там же, - 139 с.

нереалистичному культу человеческого. В противоположность этому я говорю здесь о том простом факте, что в жизни люди важнее для нас всего остального»[67].

Хотя об этой теме сложно говорить конкретно, все же ключ можно найти лишь в следовании примеру Господа Иисуса Христа, а это значит отдать себя за Христа во имя других и надеяться на победу, которую одержал Христос, отдав свою жизнь за нас.

«Наше отношение к Богу не есть «религиозное» отношение к высшему, могущественному, всеблагому существу – это не настоящая трансцендентность; наше отношение к Богу есть новая жизнь в «существовании для других», в причастности к бытию Иисуса»[68].

В предыдущих частях текста мы говорили, что Бонхёффер критикует не религиозность вообще, а лишь определенный вид религиозности, точнее традиционное христианство, которое характеризовали индивидуализм и пиетизм и которое, по его мнению, не является единственным условием единства с Христом, равно как и условием для того, чтобы называть себя христианином. Именно по этой причине Бонхёффер отверг данные характеристики и говорил о христианстве чисто христологически. Говорить чисто христологически – значит установить тесную связь между христианством и экклезиологией и говорить о Теле Христовом прежде всего с точки зрения Сына Человеческого.

Бонхёффер называет Христа «человеком для других», а также призывает нас следовать за Христом, делая из этого вывод о том, что Церковь можно называть Церковью лишь тогда, когда она существует для других. Можно смело сказать, что Бонхёффер говорит даже не о близости христологии и экклезиологии, а об их отождествлении. Христос жил бескорыстно, отдав Свою жизнь за жизнь мира, и это самая сложная задача, которая ставится перед Церковью в ее следовании за Господом Иисусом Христом. Чтобы следовать стопами Христа, она должна участвовать в Божьих страстях и положить свою жизнь за других. Хотя Церкви постоянно угрожает опасность исчезновения, она

[67] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа ≪Прогресс≫, 1994, - 180 с.
[68] Там же с.177.

должна продемонстрировать борьбу – но борьбу за мир, в котором существует, потому как борьба за поддержание своего существования не есть Церковь, которую представлял своей жизнью Христос.

Следовать стопами Христа – значит утвердить присутствие Христа. Христос находится в средоточии Церкви, т.е. христианской жизни, и помогает силой Своей слабости и страданий. Бог показал Свою слабость, будучи распятым на Кресте, на котором принял смерть. В действительности именно таковым Он находится в средоточии человеческого существования. Мы подчеркнули, что Бог не есть deus ex machina, Он пребывает не на границах человеческих сил, а в средоточии, и именно поэтому «Церковь стоит не там, где кончаются человеческие возможности, не на околице, но посреди села» [69]. Церковь находятся в средоточии, в человеческой слабости, ибо Христос как Распятый отдает себя слабым, каковым и является каждый человек, если учесть, что ему предстоит испить земную чашу до дна[70].

Испить земную чашу есть неминуемая реальность земной жизни, которой мы не можем и не должны избежать, потому что во Христе это не единственная возможность. Бонхёффер не только обременяет человека ношей, которую нес Христос, но и дает ему радость, пришедшую после креста, Христово Воскресение[71], которое приводит человека к лицу Бога, к вечной свободе[72].

В другом письме от Бонхеффер пишет своему другу: «…лишь тогда, когда полюбишь жизнь и землю так, что кажется, будто с ними погибнет все, можно верить в воскресение мертвых и новый мир… Последнее слово невозможно, да и недопустимо произносить до предпоследнего. Мы живем в предпоследнем, а

---

[69] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994, - 125 с.

[70] Bonhoeffer D., Prisoner for God – Letters and Papers from Prison, New York 1959, c.154: “The Christian, unlike devotees of the salvation myths, does not need a last refuge in the eternal from earthly tasks and difficulties. But like Christ himself (‘My God, my God, why hast thou forsaken me?’) he must drink the earthly cup to the lees, and only in his doing that is the crucified and risen Lord with him, and he crucified and risen with Christ”.

[71] Marsh, C. Reclaiming Dietrich Bonhoeffer: The Promise of His Theology, New York: Oxford University Press, 1994, 132-133.

[72] «Приди же, верховный праздник на пути к вечной свободе, смерть, разрушь тягостные цепи и стены нашего бренного тела и нашей ослепленной души, чтобы наконец мы увидели то, что здесь нам не дано было видеть. Свобода, тебя искали мы долго в дисциплине, в деле и в страдании. Умирая, познаем мы теперь в Божием лике тебя саму» Бонхеффер. Сопротивление и покорность письмо от 21.07.44.

верим в последнее, разве не так? Лютеран (так называемых!) и пиетистов прошиб бы пот от такой идеи, но она справедлива тем не менее»[73].

[73] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994, 169-173 с.

ГЛАВА 3 КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ ФОРМ РЕЛИГИОЗНОСТИ

3.1 Проблема секуляризации

«Мы приближаемся к абсолютно безрелигиозному периоду; люди уже могут просто быть нерелигиозными. Те же, кто честно называет себя «религиозными», не практикуют религии никоим образом; возможно, под «религиозностью» они понимают нечто иное»[74]. Бонхёффер указывает на маргинализацию Бога как в научном, так и в экзистенциальном плане[75]. Это факт, что христианство с самого своего начала основывается на априорно религиозном человеке, из-за чего Бонхёффер задает риторический вопрос: что, если в один прекрасный день окажется, что этой «априорности» вообще не существует, что это была временная, исторически обусловленная форма самовыражения человека?

Он приходит к мнению о том, что наступит время окончания религиозности[76], а также что традиционное общество станет полностью секулярным, но ни в коем случае не считает свою позицию негативной. Более того, она противоположна негативной, поскольку дает возможность упразднить неверное представление о Боге и познать истинный библейский образ Бога. Бонхёффер однозначно настаивает, что Бог сам дает, чтобы люди вытеснили Его из этого мира на крест, а также то, что Он стал немощным и слабым в этом мире[77]. Он пишет: «В этом кроется коренное отличие от всех религий. Религиозность указывает человеку в его бедах на могущество Бога в мире. Бог –

---

[74] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М: Издательская группа ≪Прогресс≫, 1994, - 123 с.

[75] «Как в области науки, так и в общечеловеческой сфере «Бог» все больше вытесняется из жизни»; «Я исходил из того, что Бог все дальше и дальше вытесняется из ставшего совершеннолетним мира, из сфер нашего познания и нашей жизни, и со времен Канта сохраняет позиции только по ту сторону эмпирического мира»; «В историческом плане: к автономии мира ведет единое магистральное направление развития. В теологии на самодостаточность разума для религиозного познания впервые указывает Герберт Чербери. В морали: Монтень, Бодэн, поставившие на место заповедей житейские нормы. В политике: Макиавелли, отделивший политику от всеобщей морали и обосновавший учение о государственной мудрости. Позднее, совсем по-другому в смысле содержания, но с той же ориентацией на автономию человеческого общества, Г. Греции выдвигает естественное право в качестве международного, которое сохраняет свою законность, „etsi deus non daretur“ – „даже если Бога и не было бы“. И, наконец, философский итог: с одной стороны, деизм Декарта – мир как механизм, функционирующий без вмешательства Бога, самостоятельно; с другой – пантеизм Спинозы: Бог есть природа. Кант в принципе деист, Фихте и Гегель – пантеисты. Везде цель мышления сводится к автономии человека и мира». Бонхёффер. Сопротивление и покорность. Письмо от 16.07.44.

[76] «Бог как моральная, политическая, естественнонаучная рабочая гипотеза упразднен, преодолен; точно так же как и в смысле философской и религиозной гипотезы (Фейербах!). Интеллектуальная честность требует отказа от этой рабочей гипотезы или исключения ее в максимально широких пределах».

deus ex machina. Библия же указывает человеку на бессилие, на страдание Бога; помочь может лишь страждущий Бог. В этой связи можно сказать, что описанное развитие к совершеннолетию мира, которое помогло разделаться с ложным представлением о Боге, расчищает для взора библейского Бога, своим бессилием завоевывающего власть и пространство в мире. Здесь, пожалуй, нужно пускать в ход «мирскую интерпретацию»[78].

Бонхёффер сознавал тот факт, что находится в новом жизненном окружении, чья новизна проявляется в секуляризации общества, стремящегося утвердить собственную автономию, а также в бесплодной религиозности, которую отличают метафизика и пиетизм. Он сознавал, что такой вид религиозности не может проникнуть в разум и сердце секулярного человека, что необходимо лишить христианство такой религиозности и дать ему безрелигиозное, секулярное толкование.

«Люди к Богу приходят, когда Он в беде, находят Его в нищете, позоре, без крова и хлеба, видят Его подвластным греху, бессилию и смерти. Христиане с Богом в Его страданиях. Бог приходит ко всем людям, когда они в беде, насыщает плоть и душу своим хлебом, умирает на Кресте за христиан и язычников, и прощает тех и других»[79].

То, что Бонхёффер настаивает на безрелигиозной интерпретации христианства, может навести на мысль, что его теологический труд ведет к атеизации современного человека. И все же такое видение его теологического труда неверно. Став теологом, он остался им до последнего вздоха, и его единственное мировоззрение было теологическим[80].

---

[77] «И мы не можем быть честными, не сознавая, что мы должны жить в мире, „etsi deus non dare-tur“. А как раз это мы познаем – перед Богом! Сам Бог принуждает нас к такому выводу. Так наше совершеннолетие ведет нас к подлинному познанию нашей ситуации перед Богом. Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем. Перед Богом и с Богом мы живем без Бога. Бог дозволяет вытеснить себя из мира на крест. Бог бессилен и слаб в мире, но именно в этом и только через это Он с нами и помогает нам. Из Мф 8, 17 совершенно явно следует, что Христос помогает не благодаря своему всесилию, но благодаря своей слабости, своим страданиям!».

[78] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994, 161-161 с.

[79] Там же. с.166.

[80] «Нам следует постоянно и надолго со спокойствием погружаться в жизнь, слова, дела, страдания и смерть Иисуса для того, чтобы понять, что Бог обещает и что Он исполняет». Там же, 182: «Я настолько уверен в Промысле, в том, что пребываю в руках Божиих, что надеюсь всегда сохранять эту уверенность. <…> Моя прошлая жизнь преизбыточествовала свидетельствами Божией доброты, вину перекрывает всепрощающая

Он сознавал христианскую истину, что Христос своей смертью и воскресением дал всем людям возможность спастись это, по мнению протестантов, достигается лишь через веру. Хотя все люди могут уверовать в Иисуса Христа, окружающая реальность Бонхёффера была иной, ведь число нерелигиозных людей все больше росло. Это стало причиной, по которой возникла теологическая проблема: закрыт ли для этих людей путь к спасению, а если нет, как Христос может стать Господом нерелигиозных? Бонхёффер рассматривает Бога как Того, чья любовь безмерна, и Он всегда хочет спасти человека, ведь в противном случае Его жертва была бы бессмысленной. Если принять такое положение вещей, то следует, что конец религии не означает одновременно конец христианства. В этом случае религия не является условием спасения, так же как обрезание не является условием оправдания[81].

«Я часто спрашиваю себя, почему «христианский инстинкт» часто влечет меня больше к нерелигиозным людям, чем к религиозным, и не потому, что я преследую миссионерские цели, а просто «как брата». Если я в кругу религиозных людей часто стесняюсь произносить имя Бога – ибо оно, как мне кажется, звучит здесь несколько фальшиво, и я сам кажусь себе не вполне честным… то перед людьми нерелигиозными я могу от случая к случаю вполне спокойно и естественно произносить Божие имя. Религиозные люди говорят о Боге, когда человеческое познание (иногда просто по причине лености мысли) дошло до предела или, когда человеческие силы пасуют…»[82].

В цитируемом тексте Бонхёффер четко показывает, что часто питает симпатию к нерелигиозным людям, которые зачастую ведут себя более дружески и более ответственно по сравнению с религиозными. Такая позиция происходит из-за разности понимания действительности. В отличие от людей религиозных, чья действительность является двойственной, небесной и земной, из чего следует, что они опираются на Бога как deux ex machina, люди нерелигиозные

любовь Распятого».

[81] «Проблема, с которой имел дело Павел, – является ли перитоме условием для оправдания, – сегодня, на мой взгляд, соответствует проблеме – является ли религия условием спасения. И свобода от перитоме подразумевает также свободу от религии». Бонхеффер. Сопротивление и покорность письмо от 27.3.44.

[82] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М : Издательская группа «Прогресс», 1994, 124-125 с.

обращены к реальности земной жизни, единственной реальности, за благополучие которой готовы заплатить даже собственной жизнью. Это причина, по которой Бонхёффер считает, что нерелигиозные люди ближе к христианскому Богу и у них больше предпосылок для того, чтобы принять Христа, нежели у религиозных. Их ориентированность на земную реальность еще сильнее проявляет потребность в Христе, который по своей воле пошел на крест, тем самым став немощным и слабым в этом мире.

Мы уже делали оговорку о том, что интерпретировать безрелигиозно – значит лишить христианское послание индивидуалистического[83] и метафизического влияния, которые отличали набожность в эпоху Бонхёффера. Интерпретировать безрелигиозно также не значит заменить библейские понятия секулярными, ведь Бонхёффер однозначно подчеркивает их неизменность: «Я придерживаюсь мнения, что весь содержательный материал, включая «мифологические» понятия, должен быть сохранен, – Новый Завет не есть мифологическая оболочка некой всеобщей истины! а эта мифология (Воскресение и т. д.) и есть сама суть! Однако эти понятия должны быть интерпретированы каким-то способом, не предполагающим религии в качестве условия веры (ср. «перитоме» у Павла!)» [84].

Бонхёффер хочет освободить евангельское послание от его религиозной оболочки и таким образом вернуть христианство в его исконный облик – христологическое христианство[85]. Христианство развивалось в неверном направлении, под влиянием потребностей общества, в результате приобретя неверные характеристики. По этой причине безрелигиозная, или

[83]«… вера неизменно требует исповедания, выражения, привлечения и обращения к себе других. Религиозное чувство, напротив, предельно индивидуалистично, ощущает себя как невыразимое и ежится от всякой попытки выражения и осмысления, как от ненужного и вредного «умствования», рискующего разрушить «простую веру». Александр Шмеман, протопресвитер. Евхаристия. Таинство Царства.

[84] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994, 148 с.

[85] «…именно «религиозное чувство», а не вера в изначальном христианском восприятии этого слова, доминирует, если не безраздельно царит в современной православной «церковности». Этой постепенно совершившейся подмены им веры обычно не замечают, потому что извне, на поверхности церковной жизни оно чаще всего выявляет себя как самый что ни на есть стопроцентный оплот подлинной церковности» и «истинного православия». В православном его варианте оно и впрямь выражается преимущественно в утробной привязанности к обрядам, обычаям, традициям, ко всем внешним формам церковной жизни. И вот, благодаря этой внешней «церковности» религиозного чувства, столь многие не понимают, что консерватизм, действительно присущий ему, есть на деле псевдо-консерватизм, глубоко чуждый, можно даже сказать, враждебный изначальному христианскому преданию.» Александр Шмеман, протопресвитер. Евхаристия. Таинство Царства.

христологическая интерпретация стремится освободить современного человека он его чужеродных закономерностей (гетерономий), сделав его благодатной почвой для слов Христа, или, говоря точнее – для самого Христа. Для Бонхёффера было важно, чтобы все могли принять Христа как своего Бога, ведь единственный смысл он видит в жизни, в которой пребывает Христос.

Безрелигиозная интерпретация, которую проповедует Бонхёффер, скорее этическая, чем герменевтическая. Перед Церковью стоит серьезный вызов: следует освободить мир для Христа и Христа для мира. Хотя Церковь постоянно находится под угрозой исчезновения, она должна продемонстрировать борьбу, но борьбу за мир, в котором существует, потому что борьба за самосохранение – это не та Церковь, которую Христос воплощал своей жизнью: «Наша церковь, боровшаяся в эти годы только за свое самосохранение (как будто она и есть самоцель), не в состоянии быть носительницей исцеляющего и спасительного слова для людей и мира. А потому прежние слова утратили свою силу и умолкли, и наше христианское бытие сегодня проявляется лишь в двух вещах: в молитве и в делах праведности среди людей. Все мышление, все слова и все организационные принципы в христианской жизни должны заново родиться из этой молитвы, из этих дел. Переплавка еще не закончилась… Не наше дело предсказывать день, – такой день настанет, – когда люди снова будут призваны проповедать слово Бога так, что под его воздействием изменится и обновится мир. То будет новый язык, возможно вообще нерелигиозный, но он будет обладать освобождающей и спасительной силой, как язык Иисуса, так что люди ужаснутся ему, но будут покорены его мощью; то будет язык новой праведности и новой истины, язык, который возвестит примирение Бога с человеком и близость Его Царства. До тех пор дело христиан будет тихим и незаметным; но найдутся такие люди, которые будут молиться, творить праведные дела и ожидать времени Бога… Все мышление, все слова и все организационные принципы в христианской жизни должны заново родиться из этой молитвы, из этих дел»[86]. Иначе говоря Бонхёффер рассуждает, что религиозная версия

[86] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994, 139-140 с.

христианства ведет к тому, что Церковь начинает представлять собой группу индивидуалистов, озабоченных личных спасением, то, что представляла собой немецкая церковь в годы нацистского режима, сообщество безответственных людей, которые слепо следуют тому, что им предлагает мир, тому, что им предлагает государство, и думает при этом только о себе, то есть мы в Церкви, как- то спасаемся, а то, что происходит в нашей стране, в нашем государстве, нас не беспокоит. Бонхёффер говорит, что такая религия заставляет людей отгораживаться от окружающего мира, от его проблем и всю свою энергию направлять на религиозную деятельность: просто на совершение обрядов, совершение ритуалов, богослужений и никакого участия в общественной политической жизни. Христианство замыкается в религии и мир обступает его со всех сторон, и теснит такую религию.

Но говоря о новом времени, в котором Церковь должна проявить истину, Бонхёффер указывает на одно условие - это активная деятельность. Он однозначно подчеркивает, что действия предшествуют языку, а не наоборот. Причину он находит в том, что люди всегда будут обращены к одному измерению, светскому или метафизическому, если понимать библейскую проповедь лишь как теорию.

3.2 Ответ на секуляризацию

Секуляризация как мир, ставший совершеннолетним, представляет неизбежный факт, который Бонхёффер не отрицает при условии, что Христос пребывает не на окраине человеческого разума, а в его средоточии. Он не отрицает его и потому, что этот факт противопоставлен не вере, а религии, тогда как для него «быть христианином не значит быть религиозным на тот или иной манер, строить из себя по какой-либо методике грешника, кающегося или святого; быть христианином значит быть человеком; Христос творит в нас не какой-то тип человека, но просто человека»[87].

[87] Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994, с.164.

Здесь следует отметить, что христианство вслед за Ветхим Заветом изначально говорит о человеческой поврежденности, первородном грехе и искупители от него Иисусе Христе. По апостолу Павлу грех и спасение охватывают всех, они универсальные понятия, потому что охватывают весь тварный мир. Бонхёффер видит в спасенном Христом человечестве - человека совершеннолетнего, обновлённого, тем самым, не выделяя грешного или святого в человеке, для него безрелигиозный человек- просто человек.

Таким образом он отсекает внутренний мир, в котором является грех и святость и выводит человека без его внутреннего содержания. В такой антропологии Бонхеффер еще видит человека, который способен верить и любить.

Бонхёффер верит, что время, которое наступает –это время, ни в чем не способное навредить чистой вере, к которой призывал нас Иисус Христос. Проблема может возникнуть в ее интерпретации (искаженная религиозность), тогда как подлинное следование за Иисусом Христом позволит вере и Церкви продолжить свое существование вне зависимости от времени, которое наступает и в котором ей предстоит свидетельствовать о Христе. «Церковь должна участвовать в выполнении мирских задач общественной жизни, не господствуя, но помогая, служа. Она должна сказать людям всех профессий, что такое жизнь со Христом, что означает – «жить для других»[88]. Вера, о которой говорит Бонхёффер –это в первую очередь деятельная вера, потому что для нее это единственный способ выжить в секулярном мире. Он перемещает фокус внимания с философско-теологического вопроса на вопрос: «Что мы обязаны делать?».

Бонхёффер настаивает не на исключении разума, а на следовании за Христом, пробуждении доверия к Нему, что является единственным уместным и достойным ответом на вызов секуляризации[89].

[88] Там же. 178 с.

[89] Pannenberg W. How to Think about Secularism, 1996: “Confidence in that truth – a confidence exhibited in proclamation and life – is the only adequate and worthy response to the challenge of secularism.” [Электронный ресурс]. – URL: https://firstthings.com/author/wolfhart-pannenberg, (Дата обращения: 01.05.2023).

Подводя итог, нужно еще раз отметить, что идея «безрелигиозного христианства» Бонхёффер раскрывает через понимания религии, божественного откровения и веры. Между этими понятиями он не ставит знак равенства. Религиозность – это скорее понятие индивидуалистического приятия христианства, надежду на собственное спасение, с одной стороны, а с другой стороны на метафизическую веру в потустороннее действие Бога лишь на обочинах жизни и смерти, а не в центре всего этого мира. Здесь религиозность противопоставляется действенному служению ближнему в христианской любви.

Непознаваемость и трансцендентность Бога открыта через наших прежде всего в наших ближних. Это значит, что миссия Церкви и земное ее служение должны быть обращены в сторону служения ближним по примеру Христа, предавшего Себя на сметь за всех людей. В этом он видит почти единственную возможность христианской проповеди.

Пастор размышляет о современном мире как о зрелом, ставшем «совершеннолетним». Если наука и общество отказывается от Бога как «рабочей гипотезы», или как «deus ex machina», это не может быть препятствием для проповеди христианства и для свидетельства о христианской любви.

Конечная форма концепции «безрелигиозного христианства», по утверждению самого Бонхёффера, не была выработана, она дана только в тезисном, вдохновенном виде. В теологических письмах из тюрьмы и в «Этике» Бонхёфффер не дает исчерпывающего определения понятия «безрелигиозное христианство». Он формулирует ответ апофатически: безрелигиозное христианство – это отказ от религиозного, т. е. индивидуалистического и метафизического понимания христианства, не предполагающего ответственности за собственную жизнь, а также за ближних, за всю Церковь и за то, что происходит в обществе. Религия, может быть хороший исторический «сосуд», «контейнер» для драгоценного содержания вести о Христе, но не само это содержание. В определенных условиях сосуды ветшают, точно так же и «религия»[90].

[90] Свято-Филаретовский институт. Вестник 2020. выпуск 35.

Ответ на вызовы времени Бонхёффер видит в сопричастности страданиям Христа, поскольку именно жертва Христа является основой внутренней жизни христианской Церкви, с одной стороны, и христианского свидетельства – с другой. В одном письме Бонхеффер пишет: «Страдание, просто страдание – вот что тогда понадобится. Не партии, не натиск, не обмен ударами – все это допустимо в предварительных сражениях, но истинная борьба, которая, вероятно, предстоит, сводится попросту к страданию с верой… Иногда она [борьба в Церкви] происходит даже не за то, за что, как видится, она происходит – линия фронта проходит совсем в другом месте.»[91].

Мыслитель рассуждает, что Церковь стремясь утвердиться в современном мире, где она теряет позиции, предлагает ему свой религиозный язык и обещает утешение и избавление от страданий тем, кто примет Христа.

Однако, на самом деле, нерелигиозным людям ничего этого не нужно. Они не чувствуют себя несчастными, они не видят необходимости в утешении и в том спасении от чего-то, о чем им рассказывают христиане. В этом смысле современное человечество достигло совершеннолетия, научившись жить без Бога. Церковь, в ее миссионерских устремлениях, часто навязывает нерелигиозному человеку чуждое ему чувство несчастья, незавершенности жизни – в то время как люди просто живут, наслаждаясь жизнью и преодолевают затруднения.

Язык Церкви перестать быть понятен и говорить с этим изменившимся миром нужно новым языком. «Христианство теряет свое историческое содержание; оно более не может вдохнуть жизнь в свои традиционные формы; его привычный язык остается пустым и безмолвным. Сегодня вера, если она хочет сохранить себя в качестве веры, должна искать постхристианский язык, то есть язык если не совершенно, то, по крайней мере, содержательно отличный от ее прежней речи. Христианской вере предстоит не только отказаться от использования своего обычного языка; она должна сделать шаг вперед и выйти

[91] Эрик Метаксас. Дитрих Бонхеффер. Праведник мира против Третьего Рейха. Пастор, мученик, пророк, заговорщик – М.: Эксмо; Книгоноша, 2012.

за пределы всех тех смыслов, которые некогда связывали христианство с сообществом верующих»[92].

Главное – это не метафизическое представление о Боге, не устав ритуалов и правил, выделяющих Церковь в отдельное священное пространство, а переживание Бога "в гуще жизни", в повседневной жизни.

Бонхеффер верил, что Христос – это не удалившийся от дел Бог, а абсолютный «человек для других», и жизнь со Христом – это попытка подражать Ему в жизни для других. Путь к святости, к которому призвана Церковь, не состоит отделении от мира в какую-то «святую общину», потому что Иисус не удалялся от мира, но открыт был миру, любит есть и пить, и быть другом мытарям и грешникам. Он видит святость в том, чтобы делиться жизнью и учиться сострадать страждущим. Таким образом, взгляды Бонхеффера социально активны. Он пытается представить христианскую этику как учение, которое может и должно преобразовать земные отношения людей. Не случайно Бонхёффер очень часто апеллирует не к Новому, а к Ветхому Завету. На него производит впечатление социальный дух закона, в котором постоянно говорится о спасении людей, а не отдельного человека. Бонхеффер совершенно справедливо полагал, что призванный оставляет все и следует за истиной не для того, чтобы сделать что-то хорошее, а ради самого этого призыва веры[93].

«Действительно, новизна, абсолютная и вечная новизна христианства – только в вере, только в Истине, которая верою удостоверяется и претворяется в спасение и жизнь. Поэтому без отнесения своего к вере, без постоянного «опознания» самих себя как воплощения и исполнения веры, никакие «формы» в христианстве не действительны, больше того, сами становятся идолами и идолопоклонством, ибо делаются нарушением того поклонения Богу «в духе и истине» (Ин. 4:23), что заповедано и даровано нам Христом»[94].

---

[92] Томас Альтицер «Россия и апокалипсис». Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. – М.: Канон, 2010.

[93] «БОГОСЛОВСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ». Евроазиатский журнал Богословия. Спецвыпуск. 2015.

[94] Александр Шмеман, протопресвитер. Евхаристия. Таинство Царства. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/evharistija-tainstvo-tsarstva/7 (Дата обращения:22.05.2023).

3.3 Значение богословия Дитриха Бонхёффера для христианской мысли

Теологический труд Бонхёффера порой действительно исполнен таинственности, парадоксальности и непредсказуемости. В какие-то моменты можно было бы назвать его атеистом, а лишь моментом позже – истинным христианином. Причина – баланс, которого он стремился достичь в христианской вере, баланс между предпоследним и последним, божественным и человеческим, трансцендентным и имманентным, крестом и воскресением, Богом и человеком – ведь все приведенное соединено в Личности Господа Иисуса Христа, поэтому ничто из приведенного не обладает большей или меньшей важностью, ведь все приведенное есть реальность, прожитая Богочеловеком Иисусом Христом.

Собрание сочинений Бонхёффера, вышедшее после его кончины, вызвало неподдельный интерес во всем мире. Его наследие было изучаемо лютеранскими другими богословами Америки, там Бонхёффер жил и нес приходское служение.

Бонхёффера пытались осмыслить и теологи идеи «смерти Бога»[95]. «Немало теологов видело в «безрелигиозном христианстве» будущее духовной жизни цивилизованного мира, особенно те, кто разделял воззрения в духе «Бог умер». Но оказалось, что Бог не умер. Лишь малая часть человечества перестала нуждаться в религии. Впрочем, и в индустриальных странах, как бы отошедших от Бога, с новой силой возник поиск Бога в иных формах. И когда все это обнаружилось, многие разочаровались в Бонхёффере. Но если вчитаться в его письма из тюрьмы, то легко увидеть, что он не провозглашал «смерть Бога», о которой так много говорилось и писалось в 60-70 гг., а взывал к новым выражениям веры в Бога и следования Христу, которые соединимы с влиянием научно-технического прогресса на сознание людей.»[96].

---

[95] «Теология смерти Бога» стала попыткой осмысления опыта секуляризации современного сознания, направленной «против господствовавшего на Западе в послевоенной философии и теологии экзистенциализма, стремления интерпретировать христианскую веру в духе предельного субъективизма и ее приватизации». В.А. Зоц. От Лютера до Вайцзеккера. Великие протестантские мыслители Германии. М.: Раритет, 1994. с. 224.

[96] Алла А. Разговор с нидерландским теологом Фрицем де Ланге. Оказалось ли «безрелигиозное христианство» несостоятельным или оно еще не состоялось? [Электронный ресурс]. – URL: www.babr24.com/?IDE=34717 (Дата обращения:21.05.2023).

Западные протестантские богословы по-разному отмечали труды и значение Бонхеффера для христианской мысли, при этом все говорили о незавершенности его мыслей и, следовательно, еще сырой концепции его идеи.

В библиологическом словаре А. Мень среди прочих упоминает Бонхеффера, в нем автор отмечает, «его мысль (Бонхёффера) о «безрелигиозном христианстве», вопреки его намерению, была чревата отказом от важнейших догматов, учений и Символов Церкви, растворением христианского самосознания в общем потоке жизни и мысли. Бонхёффер прошел мимо сложной диалектики «мирского» и «священного», которая свойственна Писанию. Спорной является и его концепция о «повзрослевшем» мире. По иронии судьбы она была предложена им в годы господства тирании, нравственного одичания, политического идолопоклонства и безумия.»[97].

Тем не менее, мысли Бонхёффера очень важны, они очень ярко фиксируют то, что происходило и происходит с религией, и они дают очень много поводов для размышления.

Бонхёффер поднял очень большую волну в богословии, и его мысли оказались в свое время актуальными для многих, не только в богословии, но и для практического христианства. В двадцатом веке появляется много последователей Бонхёффера, которые как-то пытались воплощать его идеи на практике. Так, например, во Франции в пятидесятых-шестидесятых годах двадцатого века появляется движение священников-рабочих, которые были обеспокоены и озабочены социальными проблемами бедноты. Эти священники не просто служили службы в храмах и занимались богословскими измышлениями, но после службы снимали свою рясу, одевали простую рабочую одежду и шли работать на завод вместе с простыми людьми или участвовали в каких-либо забастовках, отстаивая права граждан, то есть делом выражали поддержку простым людям.

[97] А. Мень. Библиологический словарь. Том первый. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bibliologicheskij-slovar-tom-1/179 (Дата обращения:21.05.2023).

Это и латиноамериканская теология освобождения, в шестидесятые-семидесятые годы двадцатого столетия, которое черпало некое вдохновение в частности и у Бонхёффера. Тогда в Латинской Америке была очень непростая политическая ситуация, и там возникает движение освобождения, которое пыталось объединить христианство с марксистскими коммунистическими идеями, с идеями рабочего движения, – все это примеры христианского сопротивления или некоего варианта светского христианства, то есть христианских идей, христианских этических идеалов, которые нашли свое воплощение в общественной жизни или в каких- то практических действиях.

В нынешнее время в силу ряда причин и обстоятельств интерес к изучению современной протестантской мысли русскими богословами не велик, и поэтому богословие Бонхеффера практически не рассматривается дальше его концепции безрелигиозного христианства.

Подводя итог, можно сказать, что Дитрих Бонхёффер был, без сомнения, одним из самых ярких богослов двадцатого века. Одна из выдающихся черт теологии Бонхёффера – тот факт, что Христос оставил нам modus того, как следует жить, modus, в котором преобладает деятельная любовь к другим. Придерживаясь его, он пришел к ситуации, когда его жизнь была насильно прервана, но его теология осталась основательной и дала плоды. Такая теология предоставляет нам безграничное пространство для того, чтобы свидетельствовать о Христе, в первую очередь за счет своей деятельной любви.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, на примере данной работы нам получилось проследить развитие теологической идеи «безрелигиозного христианства» пастора Дитриха Бонхеффера. Нам удалось посмотреть, каким образом прошло становление и развитие этого теолога.

Особое внимание в этой работе было уделено мнению Бонхёффера, о том, как свидетельствовать о Христе в изменяющемся, достигшем «совершеннолетия» мире, и какие надежды возлагал теолог виду обновления христианской мысли. Хотя эти надежды и не дали ожидаемого плода в новой христианской теологии и философии, однако они были усвоены и повлияли на богословские взгляды его последователей, так и на понимание христианской жизни, христианского познания и жизни в христианской общине.

По итогам критического анализа концепций либеральных теологов Адольфа фон Гарнака, Карла Барта и Рудольфа Бультмана представленных в первой части нашей работы можно заключить, что Бонхеффер оценивает их теологические взгляды через призму христоцентризма и христианской антропологии, он в последствии займет отрицательную позицию по отношению к религии, точнее к тому факту, что люди по природе религиозны, поскольку он жил в обществе, которое было по сути обществом безбожников. Такой теологический и жизненный контекст даст Бонхёфферу возможность изобрести термин «безрелигиозное христианство», которое основывается не на естественной человеческой религиозности, а на Божьем Слове-Христе.

Как и Барт Бонхёффер ставит Христа в центр своей теологии. Христос находится не по ту сторону этого мира, не вдалеке, а здесь, рядом с каждым человеком, в гуще человеческие общества. Бонхёффер ищет трансцендентное не в надмирном пространстве и не вне этого мира, но в этом земном мире, считая, что и основной вектор христианской жизни и миссии должен быть направлен к участию и погружённости прежде всего в этот мир. Для Бонхёффера важно и необходимо ввести Христа в самое средоточие мирской жизни, не относиться к

Нему, как к некоему deus ex machina, Богу, который необходим нам лишь в моменты слабости нашего разума. Бонхёффера не удовлетворяет тезис традиционного христианства о противоположности и несовместимости греховного земного и святого, сверхъестественного, небесного мира и мира человеческого. Христос как богочеловек, по его мнению, воплощает в себе единство этих двух миров. Он был убежден, что назначение религии не в том, чтобы заставлять человека обращаться к потустороннему миру, а, наоборот, в том, чтобы повернуться лицом к тому миру, в котором он живет. По мнению богослова, христианство должно идти вперед, отказаться от прежних форм (религиозности), выйти за пределы своих смыслов, которые некогда его связывали. По мнению Бонхёффера, в истории Церкви самую горячую веру и любовь являли христиане, когда еще не была сформирована строго выверенная догматическая система, когда не был сформирован до конца и сам канон книг Священных книг Нового Завета, задолго до Вселенских Соборов и канонически – правовых норм.

Следует отметить, что идее «безрелигиозного христианства» предшествует концепция совершеннолетнего мира, который достиг своей автономии, так как может, в отличие от предшествующих эпох, ответить на многие вопросы и даже не нуждается в Боге как в рабочей гипотезе. Бонхёффер видит проблему в том, что язык Церкви перестал быть понятен современникам и говорить с этим изменившимся миром нужно новым языком. Он считал, что христианство теряет свои позиции и оно более не нуждается в прежних формах, привычный язык Церкви остается не слышным и не понятным для окружающего большинства людей современности. Для того что бы сохранить себя Церковь должна искать новый язык, новые формы выражения своей веры отличные от прежних.

К сожалению, стремление вписать Христа в земные рамки, придать Церкви социальное, сугубо земное, антропологическое измерение обычно для создателя идеи «безрелигиозного христианства». Смещение акцента христианской жизни с горнего мира на мир земной – одна из особенностей всего либерального

направления в протестантизме, которая была так же присуща так же и богословским взглядам Дитриха Бонхёффера.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

1. Новый Завет, изд. М. Патриархии, 1988;

2. Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994;

3. Бонхёффер Дитрих. Хождение вслед. – М.: РГГУ, 2002;

4. Бонхёффер Дитрих. Этика. – М.: ББИ, 2013;

5. Дитрих Бонхёффер. Кто я? [Электронный ресурс]. – URL: https://poezia.ru/works/67330 (Дата обращения: 28.02.2023);

6. Сравнительное богословие. Немецкий протестантизм XX века. / Переводчик К;

7. Bonhoeffer D., Prisoner for God – Letters and Papers from Prison, New York, 1959.

Литература

8. Александр Мень. Библиологический словарь. Том первый. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bibliologicheskij-slovar-tom-1/179 (Дата обращения:21.05.2023);

9. Александр Шмеман, протопресвитер. Евхаристия. Таинство Царства. [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/evharistija-tainstvo-tsarstva/7 (Дата обращения:22.05.2023);

10. Алла А. Разговор с нидерландским теологом Фрицем де Ланге. Оказалось ли "безрелигиозное христианство" несостоятельным или оно еще не состоялось? [Электронный ресурс]. – URL: www.babr24.com/?IDE=34717 (Дата обращения:21.05.2023);

11. Антропов В.В. Этика и религия в ≪безрелигиозном христианстве≫ Дитриха Бонхёффера // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2005. № 6.;

12. «БОГОСЛОВСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ». Евроазиатский журнал Богословия. Спецвыпуск. 2015;

13. Бультман Р. Иисус Христос и мифология. // Бультман Р. Избранное: вера и понимание. М.: РОСПЭН, 2004;

14. Гарнак Адольф фон. Сущность христианства – СПб, 1907.

15. Гренц С., Олсон Р. Богословие и богословы XX века / О. Розенберг, пер. Черкассы, 2011. 104-105 с;

16. Коначева С.А. Наука о бытии и наука о вере: проблема соотношения философии и теологии в религиозной мысли XX века. [Электронный ресурс]. – URL https://iphras.ru/site/sci_spir/papers/konacheva.html#_ ftn2 (Дата обращения:21.03.2023);

17. Коначева С.А. Христианство в совершеннолетнем мире // Бонхёффер Д. Проповеди, толкования, размышления / Пер. с нем. М. : Изд-во ББИ, 2014. В 2 т. Т. 1. 1925–1935. (Современное богословие);

18. Ныркov Андрей, свящ. Религия и человек в безрелигиозном христианстве Дитриха Бонхёффера // Консультативная психология и психотерапия. 2015. № 5;

19. Свято-Филаретовский институт. Вестник 2020. выпуск 35;

20. Седакова О.А. Дитрих Бонхёффер для нас // Она же. Moralia : Эссе, лекции, заметки, интервью. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010;

21. Спасский А.А. Новый труд проф. А. Гарнака по истории распространения христианства. Журнал «Вера и Разум». Отдел церковный. 1905. Т. 1.4.1. № 11. С. 639–662. [Электронный ресурс]. – URL: https:// ru.wikisource.org/wiki/ (Дата обращения:21.03.2023);

22. Тихомиров А.В. Догматика без догматизма. М.: Библейско-богословский институт св. ап. Андрея, 2013;

23. Томас Альтицер «Россия и апокалипсис». Смерть Бога. Евангелие христианского атеизма. – М.: Канон, 2010;

24. Угринович Д.М. Безрелигиозное христианство Д. Бонхёф-фера и его продолжателей // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 94–102;

25. Шмаина-Великанова А.И. Мать Мария (Скобцова), Дитрих Бонхёффер и Симона Вейль: апостольство в безрелигиозном мире // Христианос. 2000. № 9;

26. Эрик Метаксас. Дитрих Бонхеффер. Праведник мира против Третьего Рейха. Пастор, мученик, пророк, заговорщик. – М.: Эксмо; Книгоноша, 2012;

27. Bethge E. Dietrich Bonhoeffer. Eine Biographie. Munchen : Chr. Kaiser Verlag, 1970;

28. Bethge, E. Dietrich Bonhoeffer: Theologian, Christian, Contemporary, 599, цит. по: Nelson, The Life of Dietrich Bonhoeffer;

29. Bosse-Huber P. Die Gestalt der Kirche. Gedanken zu Dietrich Bonhoeffers Theologie und Leben als Herausforderung fur die Kirche im 21. Jahrhundert // Volker A. Lehnert (Hrsg.). Inspiriert vom Gemeinsamen Leben, Wuppertal : Foedus, 2009;

30. Burnell J. L. A Post-Messianic, Bonhoefferian Alternative to Polnish Secularism and Fundamentalism // Dietrich Bonhoeffers Theologie heute : Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? / Ed. John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Munchen : Guterloher Verlagshaus, 2009;

31. Caldas C. Bonhoeffer in Brazil: An Analysis of Brazilian Neopentecostalism from a Bonhoefferian Perspective // John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Dietrich Bonhoeffers Theologie heute : Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? Munchen : Guterloher Verlagshaus;

32. De Keijzer, Josh. Lingering Influence Fragmentary Presence: Bonhoeffers Appropriation of Heideggers.draft // Academia.edu [Электронный ресурс]. – URL: https://www.academia. edu/31077118/Lingering_ Influence_

Fragmentary_Presence_Bonhoeffers_Appropriation_of_Heideggers_draft?email_work_card=title. P.12;

33. Feil E. Die Theologie Dietrich Bonhoeffers. Hermeneutik – Christologie – Weltverstandnis. Berlin : Evangelische Verlagsanstalt, 1977;

34. Gerte D. Authentische Spiritualitat in den Gefangnisbriefen Dietrich Bonhoeffers : Kriterien fur Geistliche Begleitung heute. Frankfurt a.M. : Peter Lang Edition, 2013. (Pastoralpsychologie und Spiritualitat; Bd. 19);

35. Gesammelte Schriften, vol. IV, 71, цит. по: Bethge, E. Bonhoeffer: Exile and Martyr, New York 1975;

36. Grover R.E. 1943 – the concept of religion in the writings of Dietrich Bonhoeffer and Paul Tillich: A Dissertation Submitted to the Faculty of Baylor University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy, Baylor University, Waco, Texas, August 1974. Ann Arbor, M I : UMI Dissertation Services;

37. Haynes S.R. Between Fundamentalism and Secularism : The American Evangelical Love Affair with Dietrich Bonhoeffer // John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Dietrich Bonhoeffers Theologie heute : Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? Munchen: Guterloher Verlagshaus, 2009;

38. Lange F. Dieselben Dinge, ganz anders gesehen. Die Erfahrung der Gefangenschaft in Dietrich Bonhoeffers Briefen und Fragmenten aus Tegel // Dietrich Bonhoeffer Jahrbuch 5, 2011/2012. Munchen : Gutersloher Verlagshaus, 2012;

39. Moltmann J. Theologie mit Dietrich Bonhoeffer. Die Gefangnisbriefe // John W. de Gruchy, S. Plant, Ch. Tietz. Dietrich Bonhoeffers Theologie heute. Ein Weg zwischen Fundamentalismus und Sakularismus? Munchen: Guterloher Verlagshaus, 2009;

40. Marsh C. Reclaiming Dietrich Bonhoeffer: The Promise of His Theology, New York: Oxford University Press, 1994;

41. Martin M.S. Dietrich Bonhoeffer: creating ethos in uncertain cirtumstances: A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of philosophy: (Rhetoric and Technical Communication).

Michigan : Michigan technological university; Ann Arbor, MI : UMI Dissertation Services, 2007;

42. Pannenberg W. How to Think about Secularism, 1996: “Confidence in that truth – a confidence exhibited in proclamation and life – is the only adequate and worthy response to the challenge of secularism.” [Электронный ресурс]. – URL: https://firstthings.com/author/wolfhart-pannenberg, (Дата обращения: 01.05.2023);

43. Suzuki S. Evangelium — Wirklichkeit — Verantwortung. Dietrich Bonhoeffers Theologie in Auseinandersetzungen mit japanischer Theologie und Tennonismus bei Kitamori und Takizawa. Zurich : Lit Verlag, 2011. (Okumenische Studien, Bd. 38);

44. Liguš J. Christus praesens: Ecclesiology of Dietrich Bonhoeffer : Between Liberalism and Nationalism. Vydani 1. Praha : Husitska teologicka fakulta University Karlovy v nakladatelstvi L. Marek, 2016;

45. Škrinjar, A. (1980) „Nereligiozno tumačenje biblijskih pojmova“, Crkva u svijetu, 15(4), стр. 312. [Электронный ресурс]. – URL: https://hrcak.srce.hr/90201 (Дата обращения: 23.04.2023).

Приложение 1

Рисунок – Дитрих Бонхеффер в кругу семьи (крайний слева в верхнем ряду).

Рисунок – Дитрих Бонхеффер среди прихожан.

Рисунок – Дитрих Бонхеффер (втрой слева). Тюрьма Тегель (1944).

Приложение 4

Рисунок – Концентрационй лагерь Флоссенбюрг. Мемориал участникам немецкого сопротивления.

Рисунок – Статуя Дитриха Бонхеффера на стене собора Вестминстерского аббатства.